

ПРИВАТИЗЕРША

Макс Менеджерам нового поколения посвящается
Нарышкин

**Недвижимость —
это то, вокруг чего
вращается всё**

Макс Нарышкин

Приватизерша

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174697

Приватизерша: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-27280-8

Аннотация

История этого молниеносного бизнеса началась с эпохи приватизации, когда семейной паре Артуру и Рите удалось выкупить текстильную фабрику. Рита стала владельцем фабрики, а чуть позже она закрепила свои юридические права рейдерством.

Большие деньги предполагают большую кровь: защищая семейный бизнес, Артур начал жестоко расправляться с конкурентами и предателями. И не только с ними. Ближайший компаньон Морозов оказался негодяем, и Артур урезал его долю в совместной сделке. Обиженный коллега решил мстить.

Какие-то негодяи захватили Риту в заложники и спрятали в особняке. Артур вместе со случайным знакомым Игорем штурмует особняк.

Если бы Артур знал, кто этот самый «случайный знакомый», то вряд ли бы решился на такой отчаянный шаг...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	30
Глава 3	36
Глава 4	54
Глава 5	64
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Макс Нарышкин

Privатизерша

Пролог

При написании книги я заметил одну особенность: стоит только начать описывать какое-то реальное событие, как оно, обрастая несуществующими деталями и избавляясь от шелухи ненужных автору подробностей, постепенно принимает правильные формы. И на выходе рядовой случай вдруг заиграет, засверкает гранями своих форм, подобно вывернутому из стены, сияющему десятками ходов шурупу. И теперь эта история, выделяясь из сотен похожих, обращает на себя внимание. Я никогда не имею четкого плана написания новых вещей, я не знаю, когда произойдет тот самый толчок, который сподвигнет меня сесть за стол. Мой взгляд будет долго блуждать по ровной поверхности мебели в поисках нужной головки того самого шурупа, и ни я, ни мои близкие, ни даже сам господь бог не в состоянии знать заранее, какую из сотен я выберу. Я даже не берусь никогда определять, что это за толчок будет и какой силы. Меня толкает к столу каждый день по несколько раз, однако я уже научился распознавать толчки правильные от пустяшных, бестолковых. Было время, едва появлялась дрожь внутри, я тотчас торопился

за стол и начинал писать. Эта тяга к написанию начинающего писателя заканчивалась всегда одним и тем же: порчей настроения и уничтожением написанного. Утешая себя тем, что через это обязан пройти каждый автор, я немножко выпивал, успокаивался и отправлялся на поиски следующего шурупа. Выпиваю я и сейчас – привычка сохранилась, но теперь это уже не лекарство от депрессии, а барский жест понимающего толк в делах писателя.

Еще одна привычка – ношение в кармане блокнота с ручкой. Всякий раз, когда я чувствую появление интересной истории, я тотчас вынимаю блокнот и начинаю писать.

В один из дней в ресторанчике на Долгоруковской мы с приехавшим ко мне в гости из Германии Вадиком Морозовым тянули белое вино и, уже переговорив обо всех наших одноклассниках, болтали ни о чем. Он рассказывал мне о совершенно неинтересной мне ФРГ, я – о решительно ненужной ему Москве. И вот таким совершенно не располагающим к открытию новой для меня темы сцеплением фактов – от дешевизны аренды квартир в Берлине до стоимости бокала шампанского на презентации книг московских звезд, мы добрались до дорог. Как это получилось, не знаю. Наверное, где-то в разговоре между нами уже прозвучала одна из двух главных проблем Руси, и теперь, как русские люди, мы обязаны были очертить и вторую.

– У нас (говоря о Германии, он всегда не забывает добавить, что Германия – это у них) дороги покрывают асфаль-

том, смешанным с какой-то резиной, – сказал Вадим, пригубливая вино, – оттого сцепление с дорогой лучше.

– Видел, – ответил я, делая слабую попытку защитить родимый край. – Я видел, как эта смесь помогает вам в гололед. Неделю назад по ящику показывали стихийное бедствие в Потсдаме: минус двадцать. Все машины катились боком по резиновой супердороге и бились друг о друга, образуя автосвалку.

– Да, я знаю. Я как раз оказался в этом кошмаре.

Здесь нужно чуть отвлечься и обратить внимание читателя на два факта. Во-первых, автокорриды в Потсдаме я по ящику не видел. Я вообще не уверен, что за неделю до нашей с Вадиком встречи таковая в Потсдаме была. Я просто возразил тем, что первым пришло в голову. Когда мне говорят: «Германия», у меня в голове сразу возникает ассоциативный ряд: Потсдам, Берлин, телевышка, похожая на обращенный в сторону Западного Берлина фаллос, Рейхстаг – как место работы Юрия Визбора и Оберсдорф – как место проведения этапов кубка мира по биатлону. Из этого ряда я выбрал наиболее подходящее – Потсдам, привел пример и возразил.

Во-вторых, в Германии не происходит ничего, чему бы Вадик Морозов не был свидетелем – как минимум и первопричиной – как максимум. Я не успел сказать, что машины бились в Потсдаме, как Вадик уже вспомнил об этом кошмаре. Я не возражал этому, ибо знаю своего друга с 1980 года – в этом году мы встретились в 5-м классе «Б» в средней шко-

ле номер 175. Я вообще много с кем там встретился, достаточно упомянуть лишь Влада Кускова и Дмитрия Гранникова, будущих (применительно к 80-му году) члена Союза художников России и заслуженного артиста России. Последние двое находились в терпимой и внешне незлобивой оппозиции к Вадику, я же, уже в то время пропитавшийся бог весть откуда взявшейся хитростью, именуемой, как я потом узнал, дипломатической сноровкой, имел успех у двух сторон. Вадик выдумывал небылицы, и Гранников с Кусковым относились бы к этому, вероятно, с разумным смирением, как относятся люди мудрые к дождю или смерти, если бы Вадик не забывал всякий раз присовокупить к очередной небылице незначительную деталь: что был напрямую с нею связан. Связан он был преимущественно в качестве, как я уже говорил, первопричины или как минимум героя второго плана. Например, я помню это до сих пор, Вадик в пятом классе рассказывал всем, как подружился с неким майором. Все бы ничего, одного этого вполне хватило бы для споров, но Вадику зачем-то понадобилось добавить, что майору шестнадцать лет и он учится в десятом классе школы, находящейся в другом районе. Гранников, который уже тогда испытывал тягу к театру, лихо изгалялся над подобного рода придумками, а Кусков рисовал оскорбительные шаржи на их автора.

В общем, Вадик любил тогда рисануться, а сейчас это невинное занятие переросло в новое качество. Он не просто дошел до той стадии мастерства привирания, когда вылета-

ющие из его уст слова убивают незнающих всю глубину души Вадика наповал. В принципе, одного этого уже достаточно, чтобы сесть с ним за стол переговоров и подписать любой контракт. Но для настоящего мастера пустого звона мало. И Вадик набил руку в прикреплении к привираниям файлов такого бесспорного свойства, что даже я, человек хорошо его знающий, иногда задумываюсь над правдивостью их изложения. Задумываюсь, дабы в очередной раз опереться о мысль, что мне до сих пор известна только одна шумная история, где Вадик был замешан непосредственно – это перестрелка в офисе во время раздела прав собственности на один футбольный клуб. Но именно об этой истории Вадик почему-то не очень-то охотно рассказывает. Я так думаю, что там-то как раз все было правдой, а она Вадика не интересует. Все, что я знаю о том бое местного значения, до меня дошло из третьих уст.

Прошло много лет после школы. Двадцать. Я потерял связь со многими. Но, боже мой, как я рад тому, что в списке потерянных не значится Вадик Морозов! Этот человек первым, где бы ни находился, поздравляет меня с днем рождения, в суматохе дел, когда ему остается три часа до отлета в Берлин, он между последним недоделанным делом и визитом ко мне всегда выберет последнее. Он помнит памятные даты всех членов моей семьи, он любим в моем доме и долгожданен. Сумасшедшая жизнь сама расставляет приоритеты, и в качестве главного мерила ценности мужской дружбы

всегда назначает время. Как бы кто из моих друзей ко мне ни относился, кем бы я ни был горячо любим, для установления не юридического, а справедливого факта истинной привязанности главным провокатором всегда является время – я повторяюсь, не боясь быть уличенным в неоригинальности. Прошло двадцать лет, и снова и снова, выпивая с Вадиком, я чувствую его дружеское расположение. Вот и сейчас, когда он сказал, что помнит кошмар в Потсдаме при температуре в минус двадцать, я пропускаю это мимо ушей. Ибо не это важно, а то, что он прилетел в Москву и первым нашел меня.

– А у тебя сейчас какая машина? – спрашиваю я мимоходом.

– «Мерседес» двести сороковой, – не моргнув отвечает он, и я киваю, зная наверняка, что водительских прав у него нет и он боится автомобилей.

В прошлый его приезд три месяца назад у него был «Мерседес» трехсотый. Он ни хрена не помнит из того, что мне говорит, поэтому и меняет тачки как перчатки.

Вадик первым из нас уехал из СССР работать. Он первым из нас взял Берлин. Он был первым из нас, кто организовал свою компанию. Мобильный телефон я впервые увидел в его руках. Синее кашемировое пальто с нагрудным кармашком и торчащим из этого кармашка сиреневым шелковым платочком – я тоже впервые увидел на нем. И это в эпоху кооперативного движения с присущими ей атрибутами: турецкими свитерами и раздутыми, как от водянки, пуховиками.

Мне временами кажется, что, если бы господь лишил Вадика возможности врать, оставив ему только космическое предвидение, хватку бизнесмена, фантастическую память и невероятное человеческое обаяние, он превратил бы моего друга в обычного, ничем для меня не примечательного человека, каких я знаю десятки.

– Я однажды попал на своем «мерсе» в пробку, – говорит Вадик в продолжение темы, зная наверняка, что я знаю наверняка, что у него нет водительских прав и что если он может оказаться в пробке, то только в качестве пассажира такси, – и даже поспал за рулем. Два часа, представляешь? Два часа жизни в Берлине – это целая вечность.

– А что, в Германии наблюдаются пробки?

– Чем мы хуже других стран?

– Два часа, – с ехидцей повторяю я, вот уже двадцать лет играя роль доверчивого слушателя. – Ты в Москве, конечно, в такси ездешь?

– Зачем в такси. Когда спешу, приходится вертолет заказывать. Влетает в копеечку, конечно, но что делать. Не в подземку же идти.

– Ты сейчас имел в виду Москву?

– Конечно, Москву. У меня даже телефон этой конторы есть, я могу посмотреть, если хочешь.

Вот ведь, как умные-то люди поступают – в вертолет садятся и летят над Тропаревским парком! Подогретый ркаци-тели я впервые чувствую необходимость уличить его во лжи.

Несусветной, наглой, бесцеремонной лжи. Даже при наличии на счету сорока миллионов евро и дома в Берлине Вадик не должен так лгать. Я понимаю, привычка юности, все дела, но Москва – это не тот город, в который попала Лилу из «Пятого элемента».

– «Ми-24», надо полагать, – провоцирую я его, – видел пару раз в Южном округе.

Если он сейчас попробует впереть, что летал над Златоглавой на вертолете-штурмовике по прозвищу «Крокодил», мне нужно будет с ним что-то делать.

Но Вадик, как и всегда, вышел с поля боя без единой царапины.

– Да я откуда знаю марку, я что, авиатор? Прилетел, сел на крышу «Президент-отеля», и мы полетели.

Я ни разу не был на крыше «Президент-отеля». Очень хочется убедиться, что там есть нарисованный круг с буквой «Т» посередине.

– А иначе нельзя, – продолжает он. – Я в этих пробках стоять не могу. У меня клаустрофобия. Попал один раз на Третьем кольце... Дверь не откроешь.

Он не совсем ясно понимает смысл диагноза «клаустрофобия», это очевидно. И тут я почувствовал легкий, едва ощутимый толчок.

– Это не клаустрофобия, Вадик, это вегето-сосудистая дистония. Хочется постоянно двигаться, и невозможно сидеть на месте. А вот что клаустрофобии касается... На моих гла-

зах в морге два патологоанатома окоченевший труп бродяги в гроб три часа запихивали – вот это клаустрофобия у человека... Так что ты там о пробках?

Прислушиваясь к себе и позабыв о мести, я стал ждать второй толчок. Обычно не так много времени проходит между ними.

– У вас тут умирают в пробках, кино смотрят в пробках, я даже слышал от кого-то, что специальные экологические туалеты с собой возят. У меня знакомый во Франкфурте (до падения Берлинской стены он постоянно уточнял, что Франкфурт тот, что не на Одере, то есть социалистический, а на Майне, то есть западный), он специально для России толчки переносные для авто производит. Если хочешь, я тебе закажу. Да ты его знаешь – Карл Брюннер. Помнишь?

Я меняю тему и спрашиваю, кого из одноклассников он видел. Я говорю – «одноклассники», Вадик оперирует более коротким словообразованием – «однокашек». Мне это не нравится, потому что я сразу представляю кучу разбросанных на дороге и катающихся по ней какашек. После перечисления всех, кто попал ему на язык, он чувствует, что я немного раздражен, и тоже меняет тему.

– А ты по-прежнему пишешь? – спрашивает он, зная, что любой пыл можно остудить, если начать говорить о главном не для себя, а собеседника. – Не думал вернуться к хирургической практике?

– Мне сейчас куда удобнее лечить через бумагу. За меня

никто не отвечает, и я ни за кого не отвечаю. Когда тебе почти сорок, – говорю я, – самое время начать новую жизнь. В этом возрасте Макс фон Штефаниц занялся выведением немецкой овчарки, а Кристиан Диор, так тот начал еще позже, – это мои любимые примеры, позволяющие объяснять многогранность моей натуры и прикрывать природное непостоянство. Обычно я их призываю на помощь, когда меня припирают к стенке. – Так что благословляю всех, кто поздно пробуждается к жизни, и того, кто растревожил мой сон.

– Ты подумай насчет Карла Брюннера, – напоминает мне Морозов, – с вашими дорогами он тебе – первый друг. – Видя, что я никак не реагирую на это, он искренне (да, черт возьми, искренне!) возмущается: – Да неужто ты не слышал о нем?!

С чего я должен слышать о каком-то Карле, черт его побери, Брюннере? Имя, если честно, знакомое, и я просто удивляюсь, как Вадик не упомянул Эриха Ремарка. Кажется, он из того же списка знакомых имен.

Но мне безразличны стали и Брюннер, и Ремарк. Второй толчок оказался куда сильнее первого.

Через час мы должны были прощаться, я выждал этот срок, проводил Вадика в Шереметьево, получил от него эсэмэску: «Пять минут, полет нормальный», и поехал домой.

Уже по дороге сообразил: Карл Брюннер – это Карл Брюллов. Сукин сын Морозов...

Это чувство сродни предвкушению оргазма. Вот-вот про-

изойдет что-то, что вывернет твою душу наизнанку, перевернет мир и вырвет из груди сердце. Предвкушение – оно всегда сильнее оргазма, ибо предвкушение обещает восхождение, а оргазм – спуск. Каждый раз, когда овладеваю новой темой, я испытываю ощущения, схожие с близостью с женщиной. Она еще одета, еще не дрожит в моих руках, она еще мне не подвластна, но мое воображение уже рисует невероятной красоты сюжет: она обнажена, податлива и дышит страстью. Она хочет только меня, потому что это я первый обратил внимание на ее достоинства, презрев недостатки.

Обратный отсчет начался. Передо мной еще чистый экран, но скоро он заполнится фразами. В моем воображении где-то между строк капнет кровь, что-то запачкается грязной рукой, одну из страниц наискось перечеркнет след протектора, но на выходе, стерев все лишнее и чуть добавив недостающего, я получу готовую историю. Вадик мне, конечно, друг, но истина куда дороже. И потому я уверенной рукой напишу:

«Пусть не обижаются на автора те, чьи имена совпали с именами главных героев и персонажей. Все выпитое спиртное по-прежнему стоит на прилавках магазинов, все познавшие любовь женщины до сих пор ее ищут, в общем, нет смысла придирается к автору, поскольку все, что описано в этом романе, – плоды его фантазии».

Единственное, что существует на самом деле, – московские пробки. Большой город. Оказавшись в нем, люди про-

живают свою, а порой и чужую жизнь.

Я рад, что почувствовал новую встречу. И не буду торопиться, потому что предвкушение оргазма куда слаще самого оргазма.

Оставлю это на потом, потому что сейчас мне нужно сделать одно маленькое, но важное дельце...

Глава 1

Как часто случается в бизнесе, начали они вдвоем. Особенность этого союза заключалась в его лирической составляющей, которая при трезвом и расчетливом взгляде на вещи преобладала над расчетом. Кирпичи практического содержания их проекта скреплялись цементом чувства, которое в обычной жизни называется любовью. Она, любовь, пришла необычайно быстро. Еще в институте, на первом курсе экономического вуза, они решили быть вместе и навсегда. Все получилось неожиданно. Артур Чуев после очередной лекции торопился на квартиру, где его ожидала сварливая домохозяйка. За жильё было задолжено что-то около ста рублей, и эту сумму нужно было внести в старческий чулок не позже восемнадцати часов. Этот срок был установлен хозяйкой квартиры и, по словам ее, за деньгами она придет не одна, а с новыми жильцами. В 18.01 те должны были либо с унылым видом снова оказаться на улице, либо на улице должен был оказаться Артур.

Сто рублей были получены на почте еще утром, ровно через трое суток после Артуровой телеграммы, направленной родителям в Рязань. Текст телеграммы не оставлял сомнений в серьезности капиталовложения: «Сторублируйте». На объяснения, равно как и на слова благодарности, средств не хватило. Уловив новые экономические обороты речи от-

правившегося покорять столицу сына, родители прониклись тревогой и выслали 150 рублей. Именно по этой причине объявление фамилии Чуева как зачисленного в вуз повлекло двойной восторг.

Выпив, как и полагается, немного вермута с будущими одноклассниками, количественный и качественный состав которых был установлен тут же, Артур засобирался в Марьино. Там его поджидала старая карга, страдающая потерей памяти и имеющая обыкновение приводить в качестве угрозы своего племянника с женой, имеющих квартиру в Сокольниках. Этой парочке было неловко раз в месяц играть роль потенциальных квартиросъемщиков, и во время каждого привода старухой они смущенно смотрели в пол и бормотали: «Да, конечно, мы готовы въехать прямо сейчас». Артур уже знал, что карга отписала им квартиру, а поскольку человек она такой, что в случае припадка ярости она могла в последний момент изменить завещание и отписать квартиру, к примеру, артисту Видову, в которого была по-маньячьи тупо влюблена, эти двое постоянно приходили и играли роли дураков.

Договорившись встретиться завтрашним утром для продолжения знакомства, группа Э-121 растворилась в Москве, и Артур остался один на один с девушкой, которую только сейчас заметил. Оказывается, она тоже прошла по конкурсу, и, оказывается, она тоже была на грани бродяжничества. Общежитие всем нуждающимся обещали по окончании кани-

кул, но ведь эти тридцать дней нужно было-таки где-то жить.

– Простите, вам совершенно некуда идти? – поинтересовался Артур, уже чувствуя, что углубляется в тему, которая может оказаться ему не по силам.

На дворе стоял 1984 год. Еще не прозвучала огнедышащая страстью фраза ударницы соцтруда по телемосту с Нью-Йорком: «У нас в СССР секса нет». Слово «минет» еще не звучало в подъездах чаще, чем слово «минтай» в гастрономах. Пить пиво на ходу и заниматься фроттингом в метро еще было не принято, но этот вопрос прозвучал настолько же актуально, насколько актуален он в Москве до сих пор.

– У меня есть тетя в Обнинске, – обронила девушка и чуть порозовела. Видимо, представила, насколько глупо ее решение прямо сейчас ехать в Обнинск.

– А у меня дядя в Калинин, – признался Артур, уже понимая, что девушку придется взять с собой. В конце концов, нехорошо начинать общение с будущей одноклассницей с пренебрежительного отношения к ее проблемам. – Знаете, у меня есть предложение. Мне нужно срочно встретиться в Марьино с одной забавной старушкой. Вы сами убедитесь в том, что она забавна. Если вы не против составить мне компанию, мы могли бы туда прокатиться. Ну а после что-нибудь придумаем.

– Дай вам бог много радостей за ту огромную, что вы доставили мне только что, – ответила она и подняла чемодан.

Не уловив иронии, Артур подумал, что, быть может, со-

вершил огромную ошибку. И что не возникнет ли проблемы с этой девочкой, ибо если она так выражает свои мысли сейчас, то совершенно неизвестно, чего от нее ожидать потом.

Но потом он поблагодарил себя за отзывчивость и уже в метро оказался сражен ее знаниями. Он только не понимал, откуда она их черпает. Пришлось присмотреться. Держась за поручень, рядом с ним покачивалась в ритм движения вагона девушка среднего роста, с собранными в аккуратный хвостик каштановыми волосами, и глаза ее, зеленоватые, хищно оглядывали пространство вокруг себя. Казалось, ее интересует все и она готова отдать многое, чтобы найти объяснение самым незначительным явлениям. Отчего в метро читают, почему по утрам поливают и без того безупречные улицы, не упадет ли Останкинская башня, если случится ураган, как в Америке. Артур смотрел на ее шевелящиеся губы и не слышал и половины из того, что она говорила. Лишь где-то между «Текстильщиками» и «Ждановской» он наконец-то слышал, что говорит-то она о Москве:

"...*Москва* повелось от «мокса» – «спасение» на праязыке! Затем в этом слове по закону языка произошла перестановка *к* и *с*, так называемая метатеза: как в словах «ведмедь» и «медведь», «длань – долонь – ладонь». И в силу этого закона метатезы из «мокса» вышло – «моска», то есть Москва».

И он смотрел на нее, и ему казалось, что он знает ее не полчаса, а пару лет как минимум.

В квартире все шло по старому сценарию. С той лишь раз-

ницей, что родственники старухи выглядели уже совсем ни к черту. Они готовы были провалиться сквозь землю из-за альцгеймеровых выходов тетушки, но желание оказаться хозяевами квартирки в Марьине пересиливало чувство меры. Артуру казалось, что если бы карга потребовала, то они для вящей правдоподобности ездили бы сюда со своим диваном.

Когда коллектив мошенников удалился, Артур вдруг захлопал ресницами и взъерошил свои и без того находящиеся в полном беспорядке соломенные волосы.

– Послушай, – сказал он, – если ты не против...

– Нет, я не против, – тихо и уже без иронии перебила она. – Я совсем не против, если ты хочешь предложить мне остаться.

Сердце его забилось, и в беспорядок теперь пришли мысли.

– Ты не подумай, я постелю себе на полу, и я не...

– Я тотчас уйду, если ты попробуешь сделать это. И уж конечно, ты предложишь мне место на диване.

Он не нашелся, что возразить. Он просто не знал, что обычно мужчины, коим он себя уже начал понемногу чувствовать, говорят в таких ситуациях. Тогда, двадцать три года назад, он был подвижен, как ртуть, покинувшая градусник, но в тот момент в квартире в Марьине, он впервые почувствовал себя куском эбонита.

У него было пятьдесят рублей. Все, что у него было, это пятьдесят рублей. Он сказал ей об этом и предложил выйти

с этими сумасшедшими деньгами в Москву.

– А ты не думаешь, что нам в будущем нужно будет что-то есть?

Этот вопрос вернул его из Оружейной палаты, куда он с ней уже добрался, в Марьино. За время жизни в столице он познал много девушек. И каждая из них с радостью согласилась бы просадить любую у него находящуюся сумму прямо сейчас. Благо возможностей потратить ее было множество. В эту комнату они вернулись бы с портвейном, и морем воспоминаний, которое утром бы схлынуло без остатка, оставив на память лишь две сухие, хоть выжимай, бутылки.

– Я не подумал об этом, – сказал Артур, только сейчас подумав о том, что, пригласив Риту в свою обитель, совершил жест доброй воли немного не той направленности, какой планировал изначально. – Действительно, глупо сказал... Без еды мы тут...

Он хотел закончить так же бессмысленно, как и начал – «загнемся», но вовремя спохватился.

Весь день они провели в городе. Поход по нескольким музеям вымотал Артура совершенно. Он шел под руку с Ритой, без устали щебетавшей о каком-то алмазе «Кохинор», вправленном в корону королевы Елизаветы, и сомневался в том, что присутствует в реальности. Еще утром он был свободен как ветер, а сейчас, словно вагон, катится по заранее проложенным под ним рельсам. Станным было то, что эта езда его не напрягала. Напротив, он прислушивался к себе, и

ему казалось, что рано утром, когда он собирался в институт, к нему на перила балкона присел ангел. Посмотрел, как живет его подопечный, а после придумал толковый ход – свел с девушкой, на которую за все время сдачи вступительных экзаменов Артур ни разу не обратил внимания. Он вообще не подозревал о ее существовании. Как о будущем футболисте итальянской футбольной лиги «А» Инзаги. Тот тоже уже был, но Артур о нем не знал. Потом им овладевали темные мысли, и Артуру начинало казаться, что это не ангел вовсе присел к нему на балкон перед рассветом, а кто-то другой... В общем, гуляя с Ритой по городу, Артур не помнил ничего из того, что видел, и не слышал ничего из того, что говорила она. Все происходило невесомо, неощутимо, словно в дымке, но все-таки это происходило – Рита была, и она была с ним.

Изо всех сил борясь с мыслями о вечере, он особенно противостоял мыслям о ночи. До сегодняшнего дня все было довольно просто: выбирался денек, когда старая карга отправлялась к родственникам, которых у нее было великое множество (оттого все понятней уничижительное смущение племянника с женой в роли кандидатов на въезд в квартиру), и в эти три-четыре часа Артур ловко укладывался в выпивку, прелюдии (тогда это слово было не совсем ясно, поскольку никто не брал за труд дать ему определение) и насыщенный чувствами секс. Через четверть часа после его завершения девочка покидала стены квартиры, которая, как дума-

лось бабке, оставалась неопороченной уже почти восемьдесят лет, и никогда в нее уже не возвращалась. Еще ни одна из приглашаемых фигур на ночь не оставалась, равно как ни одна из приглашенных не уходила из квартиры неудовлетворенной. Перед Артуром стояла двуликая, равновеликая по невозможности осуществления задача. Ему нужно было убедить старуху оставить Риту на ночь, что само по себе выглядело идеей сродни полету в космос, и осознать факт проведения ночи с девушкой в одной комнате без близости с нею. Одна проблема выглядела не краше другой, и, не успев прошагать по брусчатке Красной площади ста шагов, он решил, что поутру его посетил все-таки бес. Но едва он почувствовал на локте тепло Ритиной ладони, как ему почудился лик ангела.

Очнулся Артур только в Марьине, когда Рита нажала на кнопку звонка. Артур знал, как карга ненавидит отрываться от телевизора и идти в прихожую, когда он забывал ключ, поэтому пришел в чувство сразу. Ключ лежал в кармане, он хотел достать, но не смог, потому что только сейчас обнаружил в правой своей руке коробку с пельменями, а в левой – литровую бутылку молока.

Старуха взъерепенилась прямо с порога. Она заявила, что прожила в этой квартире семьдесят семь лет, никогда здесь блядского дома не было, и на закате жизни у нее нет желания ломать эту традицию.

Оттеснив ее в глубь прихожей, к величайшему изумлению

Артура, который уже видел себя с пельменями на улице, Рита вошла и довольно невозмутимо произнесла:

– Ну, блядь я или не блядь, это вопрос спорный. Однако у меня нет желания устраивать диспут на эту тему. Я устала и хочу есть. И заботься вы о будущем, а не о прошлом, то смогли бы подсчитать, что пятьдесят рублей с одного человека в одной комнате куда меньше семидесяти пяти за двоих в той же комнате на тех же условиях.

Закончив эту речь, она вошла в комнату Артура и закрыла за собой дверь. Ей, видимо, нужно было переодеться, а делать это на глазах старухи и молодого человека она не представляла для себя возможным.

Выйдя из комы, карга ринулась к двери, и Артур увидел Риту посреди своей комнаты уже без юбки, в трусиках и блузке.

– Это почему за двоих семьдесят пять, когда за одного сто?

«Действительно», – подумал он.

– Потому что сто рублей за комнату платят на Петровке, а не на Поречной! – заявила Рита и с грохотом захлопнула дверь, не достав до крючковатого баронесского носа хозяйки около сантиметра.

– Вот сучка, – змеиным шепотом сказала она и посмотрела на Артура в поисках поддержки.

– Вы знаете, мне кажется, что сто рублей в Марьине... за двоих... это действительно многовато... нет?

– К пятому дню чтоб за квартиру было уплочено! – прогромыхала в косяк старуха и отправилась в свои покои, состоящие из трех отдельных комнат.

Так Рита оказалась у Артура.

Ночью, глядя на звезды, усыпавшие покрывало ночи над Марьино, он думал о том, как хорошо от Риты пахло. Он не расслышал и трети того, что она говорила днем, но запах, струящийся от нее, запах мяты и чистого тела, не отпускал его ни на минуту. Вот и сейчас, когда в комнате висела тугая, хоть режь ножом, тишина, он чувствовал аромат, уже прижившийся в его до недавнего времени одиноком и пустом уголке жизни, и пытался догадаться, о чем думает она.

Любезно предоставленные старухой матрас и подушка – а выданы они были сразу и с удовольствием, ибо в этом разделении полов она видела гарантию моральной чистоты, царившей в этой огромной квартире, – он лежал, закинув руки за голову, и отгонял от себя «мужские» мысли. Они жадно проникали в него, властвуя безраздельно, и он уже не в силах был справляться с ними, думая о том, что будет завтра. Завтра они снова будут вместе. Послезавтра – он этого хотел – тоже, а потом наступит послепослезавтра. Где логика?

Он вдруг пришел в ужас. Артура неожиданно посетила мысль о том, что Рита решила им воспользоваться просто как удобным способом для проживания в Москве.

Напрягающие его мысли о соитии вдруг отошли, как отходит море перед цунами, и сердце зазвенело от возникше-

го в нем вакуума. Вот, значит, как... Это было похоже на правильный ответ. У беды глаза зеленые. Это была беда. Самая настоящая. Вооруженная коробкой с пельменями, обученная правилам торга и знаниям доисторического происхождения слова «Москва». Уже не боясь быть обнаруженным с выпирающим в лунном свете холмом посреди одеяла, Артур закинул руки за голову и криво улыбнулся.

И вдруг услышал приглушенный смех.

– А она и правда забавная.

– Что?.. – сипло спросил он.

– Старушка твоя, ты прав, забавная. И вовсе не карга.

Он угрюмо свистнул носом и отвернулся к стоящим прямо перед его носом ножкам стула.

– Артур...

– Что?

– Я всю дорогу болтала как сумасшедшая... Что попало собирала... Надеюсь, ты меня невнимательно слушал... Да?

Он промолчал, но в темноте вспыхнули и уже не угасали сияющие голубым лунным светом белки глаз.

– Я боялась... я весь день боялась, что вечером... В общем, что ты окажешься таким же банальным, как и все.

У Артура дрогнули брови, и он облизал губы.

– Ты, видимо, что-то конкретное имеешь в виду?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Ты боялась, что я возьму тебя силой?

– Сама была бы виновата. Я знала, куда еду и зачем. Ты

меня хотя и приглашал не жить, а переночевать, но мне не стоило труда предположить, чем это может закончиться. Но мои опасения оказались... Словом, ты хороший человек.

Артур пожевал губами. Он, конечно, дурак, что пригласил ее. Ему тоже стоило принять во внимание, о чем ему будет думаться в метре от нагого девичьего тела. На близость он не рассчитывал тогда и не пошел бы на это сейчас. Хотя бы потому, чтобы не выглядеть сволочью – пригласил бездомную девчонку и тут же разложил ее, требуя плату за постой. Но лучше бы она его за это не хвалила. Все должно выглядеть естественно, а похвала такого порядка молодой мужской разум оскорбляет и требует сатисфакции.

– А почему ты думаешь, что эта опасность для тебя миновала? Я не гоню коней, потому что старуха очень чуткая. Я вот сейчас дождусь, когда снотворное начнет действовать, и...

– Какое снотворное?..

– Я ей в чай димедрола насыпал. Помнишь, в душ ходил?

В наступившей мертвой тишине он довольно обнажил здоровые зубы. Жаль, она их не видит через затылок.

Чтобы уснуть, он принялся мысленно прочитывать:

Все страсти, все любви мои возьми —

От этого приобретешь ты мало.

Все, что любовью названо людьми,

И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,

Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.
Ты нищего лишил сумы.
Но я простил пленительного вора...
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора...

– Что ты сказала?! – от неожиданности он поднял над убогой подушкой голову.

– Иди ко мне...

Он сел на полу, почувствовав, как пересохли губы.

– Иди ко мне. Господи боже, мы же любим друг друга...

Как нелепо, как наивно и смешно выглядят эти слова сейчас, спустя двадцать три года. Вправе ли произносить их те, кто знает друг друга сутки? Да – правильный ответ, если им по семнадцать. Да – правильный ответ, если, не успев переболеть влюбленностью, уже заболели настоящими чувствами...

Он любил ее в ту ночь страстно, не оставляя в покое ни на минуту. Он словно собирался выжать себя досуха, оставив миру только дряблую, немощную, ни на что уже не пригодную плоть.

Они занимался с ней любовью сначала на полу, потом на подоконнике, рискуя выдавить ее спиной стекло и не обращая внимания на нескольких зевак, столпившихся четырьмя этажами ниже в беседке, чтобы попеть под гитару. Они кри-

чали что-то и дико танцевали, глядя на этот сумасшедший праздник сплетения двух тел. Но они не слышали их, сливаясь друг с другом...

Она уже не могла говорить, ее глаза закатывались в глухом обмороке, но никто не был в силах остановить их танец жизни.

Уже под утро, когда рассвет стал стирать с окна синьку, они посмотрели друг на друга в полной беспомощности. Вряд ли каждый из них помнил хотя бы мгновение из того, что происходило с ними всю ночь. Все, что помнил Артур, – это дурманящий запах ее тела, упругая плоть ее, нетронутая прошлым, горячее дыхание и не проходящее желание входить в нее снова и снова.

Никогда ему не понять, что происходило в ее душе. Никогда не узнать, что помнила она. Он видел лишь ее зеленые глаза, полные сумасшедшей, обреченной на постоянство любви, глаза, до краев заполненные слезами задыхающейся от чувств души.

«Это был все-таки ангел», – подумал Артур.

И он будет благодарить его все двадцать три года, что признавался своей жене в любви. И казалось ему, что любви этой ничто не сможет угрожать. Ибо нет ничего на свете, что было бы этой его любви могущественнее.

Глава 2

К началу 1990-го карга совсем ополоумела. Кажется, она собралась пережить еще одну революцию. Потягивая старым баронесским носом воздух улиц, она чувствовала ее приближение и не собиралась на тот свет до тех пор, пока своими глазами не увидит крушение системы, в одночасье сделавшей ее, дочку барона фон Штрауке, банальной мещанкой. О своих молодых годах и зрелости она не распространялась, племянника, сына своего младшего брата, инженера связи, ненавидела, казалось, она ненавидела весь мир. И потому ждала его гибели. Уходить на тот свет вместе с ним она не собиралась, уходить до него – тоже. Ей нужно было хотя бы часок-другой порадоваться тому, как все сохло, а она выжила. Вот потом можно и собираться в последний путь.

Однажды этими мыслями она поделилась с Ритой. В последнее время они как-то фантастически близко сошлись. Их «пельменная» ссора продолжалась всего неделю. После склоки Рита ничего не просила, не заискивала, и старуха прониклась к этому ее поведению доверием. То ли старая змея увидела себя раннюю в этой девочке, то ли наконец-то увидела человека, который не думал о захвате ее квартиры в Марьине. Прошло шесть лет, Рита и Артур дважды пытались съехать, подыскав квартиры поближе к центру – так и до работы было добираться удобнее, и площадь жилья позволяла

развернуться. Но старуха сдурела и предложила им вторую комнату, самую большую в своих владениях. При этом комната эта была смежной с их старой и преимущества были налицо. При этом она сообщила, что не собирается дополнительно требовать плату за проживание. Это Артура устроило, и они остались. То ли в благодарность за долгое совместное проживание, то ли из каких других соображений Рита стала захаживать к карге и радовать то платочком, то вкусностями, то просто болтовней. Артур уже позабыл, как выглядит племянник под прикрытием, и все бы ничего, но в начале апреля 1990 года, так и не дождавшись революционных преобразований, бабка отдала концы.

Родственники стали прибывать в квартиру усопшей где-то через полчаса после кончины. Кто их уведомял о горе, было совершенно непонятно, ибо старуха позвонить перед своей смертью не могла, а Артур с Ритой этого не делали. Родственники прибывали и после похорон. Они набились в четырехкомнатную квартиру баронессы, как шпроты. Все держались утонченно-плаксиво, как держит себя на сцене плохой трагик в день дебюта. Квартира была заполнена скорбью, еще не выветрившимся запахом батюшкиного кадила и перезвоном фамильного серебра, приготавливаемого к трапезе. Земля сдала – небо приняло. Но по комнатам и ее просторным коридорам носились шепотки не небесного, а вполне земного происхождения. Они, казалось, ползали по стенам, проникали за плинтус и застревали меж стен и потрес-

кавшихся, не менявшихся с 1970 года обоев.

«Такая хорошая старушка была. Вот помню, под Святки...»

«Вы давно из Магадана? Это правда, что там золото копейки стоит?»

«Сколько ни зазывали, так в гости и не приехала...»

«Конечно, бабушке семьдесят, а она в Хабаровск поедет».

«Мы не из Хабаровска, из Нагинска...»

«Разве семьдесят?.. Не больше?»

«Что-то около восьмидесяти».

«А вы кем ей приходились?..»

В общем, родственников было много. Потомки славного рода Штрауке, носящие ныне фамилии Косых, Толстопятовы, Миклушевы, Хорьковы и Забираловы, съехались в Москву со всех просторов необъятного Советского Союза, своим движением начертив схему нынешней сети магазинов «Эльдорадо». Ни Артур, ни Рита ни одного из них за шесть лет жизни в Марьине не видели, и ни об одном из них не слышали из уст старухи.

Обед закончился превратившейся в фарс трагедией. Усевшись за огромным, не сожженным в начале века большевиками столом для поминальной трапезы, огромная семья с нетерпением ожидала прибытия адвоката, несущего от нотариуса новости о разделе имущества. Покончив с кутьей, Артур с Ритой собирались убраться в свою комнату, но прибывший ко всеобщему волнению стряпчий попросил всех впус-

кать и никого не выпускать. Через пять минут ложки с рисом стали падать на блюдо, отбивая похоронный марш № 3. Новыми хозяевами квартиры восемь дома двадцать четыре по улице Поречной стали Артур и Маргарита Чуевы.

Еще не понимая, что произошло, гости стали спрашивать адвоката, а что, собственно, с разделом. То есть, что несравненная Клавдия Оттовна благоволила передать каждому из родных ей по крови людей. То есть наследство-то как делиться будет. Адвокату пришлось повторить то, что он сказал минутой ранее.

Артур сидел белый, как приготовленное к работе полотно Кандинского, язык его распух во рту, и он, великолепнейший экономист, быстро прокручивал в голове данные, которые позволили старой карге отдать квартиру и все в ней находящееся им, а не зловонной своре наконец-то дождавшихся смерти старухи кровников. Он вспоминал теплые и холодные вечера, когда Рита оставляла его одного, уходя к хозяйке то с тарелкой пирожков, то посмотреть телевизор, то просто пожаловаться и поплакать бабке в шушун. От баронессы она возвращалась совершенно спокойной и уверенной в себе молодой женщиной. И вот теперь все становилось на свои места. Променады в соседние комнаты закончились вполне логично. Пока за столом царила отвратительная тишина, Артур вспомнил случай, который однажды произошел в благочестивой семье одного порядочного еврея.

Жил-был старик, вот так же, как незабвенная Клавдия От-

товна, тяготился одиночеством при батальоне родственников, на календаре отмечавших каждый прожитый им день, и когда пришла пора помирать, он собрал всех и сказал:

«Свою квартиру, машину, немножко золота и чуть-чуть серебра я хочу отдать вам, мои родные. И, чтобы не обидеть никого своим решением, я передаю вам это все здесь и сейчас, дабы вы могли разделить все по совести и справедливости сами. Ухожу я от вас, храня в сердце память о любви вашей и заботе. И я готов выполнить последнюю волю свою лишь при одном условии. Господь наш, Иисус Христос, принял на чело венец терновый. И я хочу так же, как и Он, уйти в муках за грехи ваши. Но уподобляться Ему не могу, ибо грешен, да и венца нет. А посему сейчас, за минуту до смерти, хочу, чтобы вы раздели меня донага, положили на живот и в задний проход вставили кактус, коих в моей, то есть в вашей, квартире в изобилии».

Как только последняя воля умирающего была в точности с просьбой его выполнена, в двери и окна ввалились огромные мужики в масках и с надписью на спинах «СОБР». И старший из них, оценив обстановку, воскликнул: «А прав был информатор! Это здесь у старого еврея вымогали имущество!»

Абсолютно спокойной в наступившем хаосе выглядела одна Рита. Она невинно смотрела в стол, и щеки ее розовели. Повернувшись к немеющему от восторга Артуру, она негромко, но доступно для чужих ушей сказала:

– Я хочу заняться с тобой любовью.

Это была первая триумфальная сделка, которая была прокручена ими не вместе.

Глава 3

К началу 1993 года река застоя тронулась. С треском, с вдохновением.

Артур Чуев за три года из способного, но малозаметного менеджера вырос до начальника отдела внешнеэкономических связей крупнейшего в Москве «Инкомрос-банка». Рита по-прежнему работала экономистом на текстильном комбинате, и оба они чувствовали, что наступил момент, упустив который уже невозможно будет наверстать упущенное. Это было время, когда подателя объявления «Меняю однокомнатную + ваучер на двухкомнатную» за идиота еще не держали.

Под Новый 1991 год в банке началось шевеление. Эти движения постепенно переросли в хоррорные явления и вскоре приобрели монструозные колебания. Чубайс (а кто это такой, Чубайс?) разработал программу приватизации госсобственности (а что это такое?), и первым ее этапом стала народная приватизация (какая?). Артур пытался найти вопросы на эти ответы, попутно соображая, что происходит вообще. Поначалу все казалось бредом, ибо само понятие «приватизация госсобственности» спустя год после привычного уклада жизни ощущалось эфемерно и осязалось воровато. Но в конце лета 1992-го Ельцин подписал указ, который заставил Артура действовать быстро и решительно. Будучи

вхож в высшие круги управления «Инкомроса», он получал информацию из первых рук. И даже становился ее обладателем раньше, чем она доходила до глав регионов. О том, что с первого октября каждый гражданин России сможет получить ваучер для приобретения доли в приватизируемом предприятии, он узнал за неделю до подписания Ельциным указа.

Его волновало только одно: будет ваучер именованным, то есть прахом рухнут все его надежды, или же он выступит в роли чека на предъявителя. Все остальное он обещал себе и Рите просчитать после – это было уже не так важно. Артура заботило только одно: именной – или нет.

Первого октября он понял, что судьба дала ему в руки шанс, упустить который глупо... Контролируемый консультантами из США Чубайс и его команда предъявили стране пустой фантик без имени владельца, обещая за него две «Волги»...

И река пошла.

«Ептваюмать, – восхищался президент „Инкомроса“ Лещенко, – это гениально! Но я вот вам что скажу: через год мы или окажемся в заднице, или будем управлять этой страной. Но как это гениально!.. Сколько народу в стране? 148 миллионов! Получи в сберкассе ваучер за двадцать пять рублей и жди „Волги“! Прозрите, слепцы! Эти Чубайсы, Кохи и Васильченки помогают ЕБНу создать будущих руководителей страны, а чтобы и рыбу съесть и сесть куда хочется, они еще

и выкачают из тупоголовых будущих миллиардеров три миллиарда семьсот миллионов рублей! – если я, президент банка, считать правильно умею!..»

Лещенко еще никто не видел в таком возбуждении, но Артур уже знал в чем дело. Анатолий Максимович Лещенко, гениальный стратег и любитель саун с голыми девочками, организовал на имя жены крошечное ООО, которое уже приступило к скупке у населения приватизационных чеков.

Стараясь не упускать ситуацию из рук, Артур быстро оценивал текущую ситуацию. Находясь в банке и получая сведения о реальном положении дел на реальном предприятии – руководящие круги текстильного комбината были доступны Рите так же, как Артуру управление банка, – он производил расчеты своих будущих шагов. В 1991 году балансовая стоимость производственных фондов страны была оценена в сумму в один триллион триста миллиардов рублей. Совковая сметка Чубайса позволила ему эту сумму разделить на численность населения России и округлить в большую сторону до 10 тысяч рублей.

«Карамба!» – не выдержал Артур, не чуравшийся грязных ругательств лишь на малопонятном в банке испанском языке. Именно в эту сумму правительство определило долю собственности каждого гражданина. Каждому из олухов – жителей новой трехцветной страны ЕБН с солнцеголовым Чубайсом выдали на руки право пользования госсобственностью, равной половине стоимости «Жигулей». Это как если бы пу-

стить темной ночью в переулок полтораэта миллионам инженером, зная, что их там поджидает парочка отморожков. Чубайсом предполагалось и Ельцину верилось, что на фантики купленные населением акции будут увеличиваться в цене. Это обстоятельство и позволило Чубайсу неосторожно заявить летом 1992 года, что каждый гражданин России сможет получить свою долю собственности, которая к концу года будет равна по стоимости двум автомашинам «Волга».

В сентябре 1992 года Артур впервые рискнул по-крупному. Сказавшись больным, он выпросил у Лещенко три дня отдыха. Предполагалась неделя, но президент заерепенился и сказал, что дело прошлое, что сейчас об этом как-то глупо и неудобно говорить задним числом, но сукой ему, однако, быть, если он врет: ему кажется, что господин Чуев занимается в банке немного не своими прямыми обязанностями. Артур дал задний ход и согласился на три дня. Собственно, хорошо, что так получилось, поскольку теперь ему было известно, что организация им собственного предприятия по приобретению ваучеров не так уж хорошо законспирирована. В первый же день «больничного» он вылетел в Питер. По сведениям, полученным Ритой в директорате комбината, приватизационными аукционами там заведовал некий Томилин.

Риск был велик. Артур прибыл к нему не как частное лицо, а как представитель банка. В противном случае ему бы не удалось оказаться в кабинете, в котором ему предложили ко-

фе. Стоило Томилину поднять трубку телефона и уточнить полномочия представителя «Инкомроса», случилась бы трагедия. Но господин Томилин был настолько запрессован новыми для себя обязанностями, что в разговоры с разодетым с иголки Чуевым пустился без колебаний.

– Во-первых, построение рыночной экономики, господин Чуев, требует быстрого возникновения класса собственников...

Уже сейчас можно было вставать и уходить, сдерживая радостный крик в душе. Но Артур сидел и слушал. Эти слова, произнесенные руководителем питерских аукционов Томилиным, предопределили всю его будущую жизнь.

– Во-вторых, нигде в мире собственность и капитал не распределяются равномерно...

– Артур... как вас... Просто Артур? Еще кофе? На чем мы остановились? Ага, так вот... При выборе модели приватизации акцент сделан на интересы трудовых коллективов, которые имели преимущественное право на приобретение акций собственных предприятий...

«Браво, Риточка, – подумал Артур. – Кто-кто, а она-то знает, как работать в трудовом коллективе и что с ним делать, с трудовым коллективом-то...»

– Приватизация, Артур, позволит дать четкий ответ на вопрос, какие предприятия и производства востребованы рынком, а какие на нем являются абсолютно лишними.

– Вы хотите сказать, что...

– Вот именно! Останется посмотреть, куда рабочий класс начнет вваливать свои ваучеры-маучеры. То предприятие, которое останется обделенным вниманием публики, не будет представлять для нас никакого интереса.

– Для нас? – это был очень предопределяющий вопрос в тот день.

– Да, для нас, – внимательно глядя в глаза Артуру, сказал Томилин. И тот все понял правильно. – Вы поймите, Артур, приватизация будет способствовать появлению фактически новой российской элиты. Не партийной, Артур! Экономической и...

– Политической?

Томилин, испытывая благодарность, взмахнул руками и присмотрелся к гостю еще более внимательно.

На выходе Артур притормозил и, прощаясь с человеком, который фактически раскрыл перед ним все таинства нового обряда, поинтересовался:

– А что это у вас с головой, господин Томилин?

– Несчастный случай, – привычно, как в десятый раз на приеме у хирурга, ответил тот и потрогал повязку.

– Вы совершенно в этом уверены? Вы уверены, что это несчастный случай, а не последствия, скажем, проведения интересов трудовых коллективов?

Из Питера Артур улетал абсолютно уверенный в том, что величайшая афера человечества берет его к себе в круг организаторов процесса.

Рушилось все и вся – это было видно даже из иллюминатора «Ту». Обвальный рост цен в стране продолжался, лишая ваучер какой-либо реальной стоимости. Уже осенью 1992-го на «жигулевские» десять «штук» (тогда это слово уже было в моде) можно было купить всего лишь один женский костюм фабрики «Северянка». Не зная, что делать со своими ваучерами, потрясывая рогами и помахивая хвостами, стадо в 148 миллионов голов закружилось на месте. И в это стадо стали входить первые, хорошо одетые, не по деревенской моде, пастухи и ловкими, ненавязчивыми похлестываниями бичей разгонять стадо по направлениям. Первые скупщики и брокерские фирмы предлагали за ваучер 7—8 тысяч рублей. Но чем больше появлялось у населения ваучеров, тем ниже становилась их цена. К маю 1993-го она опустилась до отметки 3 тысячи.

– А не вложить ли нам наши два ваучера в какое-нибудь предприятие? – спрашивала Артура Рита, игриво щурясь и раскладывая на огромном «наследственном» столе в Марьи-не сотни перетянутых резинками пачек приватизационных чеков. Каждая из пачек была высотой в дециметр, и в комнате от скопления этого приватизационного потенциала отчетливо пахло типографской краской. – Ну, так, не для дела, а чтоб поржать?

– «МММ»? «Чара»? «Властелина»? – спросил Артур.

– Ты хочешь меня здесь? – И Рита уже томным взглядом посмотрела на стол.

Ни слова не говоря, он подошел к ней, взял на руки и, почти обнаженную, в одном лишь халатике чуть ниже бедер и белых носочках, положил на стол.

С него посыпались, отзываясь осенним листопадом, сотни, тысячи хрустящих, дарующих им будущее бумажек...

Первые результаты оказались чем-то похожими на впечатления акушера, который готовился принять девочку, а вышло три мальчика. Знакомый Лещенко Вовик Брынцалов, обманувший одним из первых больное население, которое потом собрался лечить, свой первый заводик прикупил за мешок ваучеров. Известный всему миру питерский судостроительный Балтийский завод был продан за 15 тысяч ваучеров, то есть сто пятьдесят миллионов «деревянных» (тогда это слово уже было в ходу). Гостиница «Минск» ушла за двести тысяч ваучеров. Супергигант автомобильный завод имени Лихачева («ЗИЛ» то есть) чуть дороже – за 800 тысяч фантиков. С самым крупным в России Уральским машиностроительным заводом (он же – Уралмаш) поступили и вовсе как с вокзальной шлюхой: продали новым хозяевам за два миллиона рублей. Казалось бы, для шлюхи с Ярославского это многовато, но тут важен правильный расчет. Эти два «лимона» следовало разделить на 100 тысяч рабочих, к тому времени там трудившихся. Так что все по-честному, никто не переплатил: 20 баксов – это как раз цена одной проститутки на Ярославском.

Спустя три недели после восхитительного секса на ста ты-

сячах ваучеров, подарившего Рите невиданной силы оргазм, она не понимала, почему так получилось, это шелест падающих, совершенно ничего не стоящих бумажек и скрип ножей старухиною стола завел ее пружину до такого максимума, что она едва не потеряла сознание, – Артур оказался в сауне. Он пришел туда не мыться, и не в одиночку, а как человек, умеющий держать язык за зубами, то есть «свой», с президентом, «вицером» и Яковенко. Аркадий Яковенко был одним из тех писателей, членом творческого коллектива, кто написал роман о приватизации вместе с Чубайсом. Вокруг этой книги потом ходило много споров, преимущественно в прокуратуре. Никто не мог понять, как за обычную книжицу в несколько сот листов авторы смогли получить просто-таки сумасшедшие гонорары. Молодая писательница Роулинг еще только ковырялась пальчиком в попе, соображая, как из навязавшегося ее воображению мальчика-филателиста сделать супермена, а Кох, Васильченко, Яковенко и иже с ними уже слюнявили пальцы, чтобы пересчитать полученные за свой бестселлер бабки. Аркаша Яковенко был из той славной когорты коммунистов эпохи возрождения, что суть новых веяний хватали на лету. В сауну он привез одного из своих помощников, ибо разговор о книге предвиделся, а без человека, ее написавшего, никакой дискуссии ни черта бы не вышло. Отпарясь и накатив граммов по двести «Джи энд Би» на брата, коалиция банковских деятелей и госчиновников развалилась и предалась тематике, без которой в муж-

ской компании и в окружении голых женских задниц просто не обойтись: о делах.

– Мы сделали их как слепых котят, – присматриваясь к разливу топлива, говорил Аркаша. – Сунули блюдечко с ложком в угол, а чашку с мясом поставили в другой. Иначе было нельзя, документ бы не прошел. Ельцин подписал свой указ о начале приватизации в тот момент, когда эти долбоебы...

– Кто? – уточнил Лещенко.

– Верховный Совет! – кто... Они все ушли в отпуск. И Боря быстро подмахнул указец. Короче говоря, если в месячный срок указ не опротестовывается со стороны Верховного Совета, то принимает силу закона... Так и вышло. У Бори вообще много чего в последнее время выходит. Ему бы поменьше с мостов сигать и ножницами типа себя закалывать, так вообще цены бы не было... Короче, если бы эта свора недоумков сидела на рабочих местах, план Рыжего хер бы прошел. – Выпив, Аркаша уложил в рот прогибающийся от икры прозрачный ломтик хлеба ресторанной нарезки. – Но эти парни укатили со своими отпрысками и благоверными на курорты, а Филя сделал вид, что не заметил происшедшего.

Речь из Аркашиных уст лилась о Филатове, исполнявшем обязанности председателя ВС – эта кличка в кулуарах Белого дома была известна всем.

– Он тупо сделал вид, не за просто так, конечно, что не заметил ельцинского указа. Понятно, да? Ну, не заметил ель-

цинского указа! Ха-ха! Вы представляете, каких долбоебов мы на ответственных постах держим? Ха-ха!.. Президент указ подписал, а он не заметил... Короче, эта кодла, вернувшись загорелой и поджарой, узнала о существовании плана приватизации всея Руси только тогда, когда срок опротестования истек, и сговор ЕБНа, Рыжего и Фили был констатирован как факт.

Решив, что мальчики наговорились, девочки приступили к исполнению ритуала. Полезли на колени мальчикам. Соображая, как отвертеться от соития, которое намечалось со всею очевидностью, Артур встал и направился в мужской туалет. По дороге осмотрел место боя. Завернув на краю бассейна одну из блондинок в три погибели, Лещенко тщетно пытался найти в ней так необходимое ему отверстие. Оргия, ничем не отличающаяся для бывшего коммуниста Аркаши, а ныне члена команды председателя правительства и бывшего руководителя комсомола, а ныне – президента банка «Инкомрос», вступила в фазу логического продолжения.

Артур зашел в уборную, прикрыл дверь и прислонился горячей спиной к ледяному мрамору стены. Хотелось обжигающего холодом «Тархуна» из 80-х, еще не отдающего химией и не вызывающего икоты, душа и постели...

Помощник писателя Яковенко первое время смущался, делал вид, что не замечает, как на диване в полуметре от него скачет на вице-президенте красивая девка. Но потом осмелел и стал за этим внимательно наблюдать. Его глаза, укра-

шенные очками в роговой оправе, то поднимались вверх, то опускались вниз, он слушал приятные уху звуки – хлопки человеческих влажных тел и не отрывал взгляда от груди девочки, то взлетающих над ее плечами, то хлопающих «вицера» по лицу. Ему хотелось, но он не был комсомольским вожаком и потому не знал, как войти в проститутку без разговора о Плутархе. Помощь ему была оказана немедленно. Девочка лет восемнадцати на вид взяла его за руку и повела куда-то, он не знал куда. Но идти с ней был готов на край света, и даже за него. Его ни разу в жизни не вела на соитие красивая девушка. Просто так, взяв за руку. В прохладной комнате для переодевания, проще – в раздевалке, она без слов легла на застеленную простыней скамью и раздвинула ноги...

Артур недолго оставался один. Минут двадцать, а именно столько, по его мнению, должен был длиться перерыв в разговоре, ради которого он и прибыл, Артур рассчитывал просидеть в уборной и немного прийти в себя после выпивки. Виски было настоящим. Било в голову и ноги без лишних прелюдий. И держалось в желудке не в пример армянскому коньяку – не просилось наружу и не точило, как наждаком, глотку. Но не прошло и трех минут, как в туалет, мягко ступая, вошла та, которая весь вечер смотрела на него, не отрывая глаз. В нем еще проскочила смешинка – уж не влюбилась ли?

Привычно встав на колени, она уже взялась было за отвороты простыни, как он шагнул назад. Отступил, и тут же

поймал ее изумленный взгляд.

– Ты болен? У меня есть презерватив...

– Нет, я здоров. Я очень здоров... – Он чувствовал, что говорит глупость, но ничего умнее на язык не попадало. – Я просто не хочу.

– Правда? – игриво сказала она и сунула руку под простыню. – Что-то незаметно, что ты не хочешь...

«А что, если?..» – пронеслось в его голове.

Судорога пробежала по его лицу. Он хотел, он очень хотел... Проклятый вискарь рубанул все ответственные связи и расслабил его.

Он почувствовал ее мягкие губы внизу живота, конвульсивно подал ей сигнал готовности, и тут же, как в пьяном сне, услышал:

«Любви обиды переносим мы трудней, чем яд открытого раздора...»

Отшатнувшись, он отошел от нее и снова прижался к стене.

– Не сейчас... Уйди, ладно? Славная девочка, мы с тобой как-нибудь потом, все дела... но не сейчас, ладно?

Закатив глаза и скривив от непонимания рот, она поднялась с колен и молча вышла из туалета.

Он прижался лбом к стене и подумал: «То, что сейчас произошло, это измена или нет? Если бы вот так кто-нибудь в Риту... но не до конца... Об этом нужно забыть. Сейчас. На всегда».

Выйдя из уборной, он направился к столу.

В кресле, слегка прикрыв чресла простыней, сидел Лещенко. В таком состоянии перед Артуром он не представлял ни разу. Обрюзгшее лицо и свисающие с него брыли свеклольного цвета, вспухшие брови и острый, предынфарктный взгляд – любовь с двадцатилетней девочкой при температуре напитка в +40 и сауны в +90 не дается без труда, если тебе пятьдесят шесть. Некоторые, говорят, выдерживают обстановку и покруче, но Лещенко не был ни Хью Хэфнером, ни Степаном Разиным. Он имел такой вид, что Артуру хотелось разжать его челюсти, поднять огромный, хоть продавай, язык, и положить под него шайбу валидола. Его девица уже купалась в бассейне, подмывалась, надо полагать, и Артур дал себе зарок не спускаться в этот бассейн, даже если нужно будет укрыться от внезапной вспышки пламени.

Лещенко сидел напротив Яковенко, разговор продолжался. Где-то там, в раздевалке, раздавались крики, среди которых можно было отчетливо разобрать: «Бля, хорошо-то как!.. Хорошо-то как, бля!!» Покривив уголки губ и посмотрев на одного из главных авторов новой жизни, Артур невзначай подумал о том, что фон для темы самый подходящий.

Усаживаясь в кресло и протягивая руку к бутылке, от которой теперь не намерен был отрываться, он успел подумать и о том, что еще немного, еще пара перерывов, и его вырвет прямо на этот стол, в бассейн, на голову шлюхи, сидящей

перед Яковенко...

– Я вот что скажу, товарищи... – обстановка позволяла Аркаше ностальгировать и забывать о новых правилах обращения к присутствующим. – Ваучеры в России были обезличенными, а не именными, поэтому многие граждане продали их за бесценок и остались ни с чем. Мы разведем эту тему, и выведем новое поколение ответственных за судьбу страны людей...

Взяв проститутку за волосы, он уверенным движением склонил ее голову к своему паху. Она стала послушно тыкаться лицом в волосатое брюхо бывшего парторга. С подбородка ее капала слюна, она издавала какие-то неестественные всхрапы. Чуев наливал в стакан виски, оно уже лилось через край на скатерть, но Артур не мог заставить себя оторвать взгляда от этого омерзительного зрелища.

– Но и ошибки есть, есть, ребята... – Дотянувшись свободной рукой до бутылки «Миллер», Аркаша стал сливать содержимое в глотку, как в воронку. – Начинать приватизацию надо было не с колоссов, а с мелочовки. Кооперативных лавочек, магазинчиков, этих мини-маркетов долбанных... Ты что-то плохо стараешься, красавица... В первую очередь нужно было создать массовый средний класс, а уж из него потом постепенно выращивать крупную буржуазию. У нас же получилось наоборот, поэтому средний класс не сформирован до сих пор. Но я вам скажу, что в этой ошибке и заключается Толина фишка. Не пройдет и пять лет, как в

стране появятся несколько тысяч человек. Которые и предопределяют будущее России. И мы будем с вами в их числе, ребята!

– Уберите от меня этого извращенца!

Вопль заставил всех оторваться от интересного общения и развернуться в сторону раздевалки. Воспользовавшись моментом, Артур шагнул к проститутке, с трудом оторвал ее от Яковенко и толкнул к барахтающимся в воде девушкам.

– Сука, чего захотел!.. Да лучше меня вчетвером сразу, чем такое!..

Из раздевалки вырвался, плохо, видимо, соображая, где находится, автор бестселлера. Волосы на его голове стояли дыбом, зубы его были оскалены, а посреди его щуплой, впалой фигуры, покрытой узлами суставов и штaketником ребер, торчал огромный, невиданных размеров предмет мужского обаяния...

– Пресвятая Богородица, – пробормотал набожный Яковенко. – А Толик еще сомневался, что этому парню все по плечу...

Они выпили еще, писатель был отправлен в парилку для охлаждения, и наконец-то Артур услышал то, что ожидал услышать быстрее, чем голову его окончательно застит туман:

– Приватизацией сможем воспользоваться только мы, только мы, товарищи... Именно нас связывают особые отношения с командой и президентом. Мы можем запросто поль-

зоваться инсайдерской информацией и откатывать за это малую толику своим партерам. – У Аркаши вдруг остекленел взгляд, и он расхохотался. – Как это я сказал, а?! Малую – Толику! В общем, чин-чин, мальчишки, и начинаем работать!..

Все произошло в точности, как рассчитывал Артур. За все время нахождения в сауне он не произнес ни слова, а по выходе из нее усадил помощника Яковенко в свою машину с водителем, оставшись, таким образом, без транспорта. Сие возмутительное недоразумение было тотчас замечено Аркашей, который сразу предложил начальнику отдела «Инком-рос-банка» прокатиться в «Мерседесе» с мигалкой и крякалкой.

Уже в машине, разговорившись, Артур запустил:

– Аркадий Лаврентьевич, я могу рассчитывать на вашу поддержку, если необходимость в таковой возникнет? Я имею в виду поддержку, которая вам ничего не будет стоить, а я, в свою очередь, остался бы очень вам признателен.

– О какой поддержке речь, мой мальчик?

– В данный момент в Москве начал работу некий фонд, который скупает приватизационные чеки с задачей последующей покупки на них акций одного предприятия.

– Вы хотите, чтобы этот фонд прекратил свое существование?

– Напротив.

– Название фонда и предприятия?..

Попрощавшись с Артуром, Яковенко взял с сиденья приготовленный водителем еще с утра свежий, но не прочитанный им номер газеты. Хрустнув страницами, он сразу нашел то, что искал в газетах последние полгода.

«В результате грабительской сущности приватизации страна получила искаженное понимание правильного бизнеса российской предпринимательской элитой. Возникла новая малочисленная каста „хищников“, которые привыкли брать все, что им не принадлежит, и отнимать принадлежащее другим. Именно искажение нормальной мотивационной структуры предпринимательского класса мешает нам сегодня построить здоровую экономику. Приватизация научила деловых людей, что самый короткий путь к богатству – это хищение. Люди получили имущество на миллиарды долларов, не вложив в дело ни копейки собственных средств. В результате присвоения чужой собственности, монопольного завышения цен, криминальных операций и обмана работников, которым многократно занижается заработная плата, каста прочно удерживает свое преступное положение. При такой преступной мотивации экономика России не может нормально развиваться...»

О чем-то вспомнив, он зажмурился и осторожно потрогал рукой промежность. Все будет хорошо в этой стране. Разовьется экономика, еще как разовьется...

Глава 4

За два месяца, с января по март, Артуром и Ритой подвзятый в «Инкомросе» кредит было скуплено двести сорок две тысячи приватизационных чеков.

– Идиоты, – бурчал Артуров босс, глядя в окно, посмеиваясь и восторгаясь, – боже мой, какие идиоты! Я пошел бы в сыновья к Чубайсу, пусть он меня научит... Кстати, о родственниках... У меня есть знакомый, у которого дядя руководит текстильным комбинатом. Так вот он утверждает, что работает на комбинате одна женщина, не буду называть ее фамилию... словом, одна очень умная женщина... она настояла на изъятии из библиотеки завода всех романов Чубайса и его соавторов. И склонила руководство к даче по заводскому радио рекомендаций, как вкладывать приобретенные ими ваучеры. Образован, говорит она, некий фонд под названием «Алгоритм», и этот фонд гарантирует рост номинальной стоимости ваучеров. Как бы эта женщина в один прекрасный момент не скупила на те ваучеры все акции... – Посмотрев на равнодушного к этому известию Артура, президент добавил: – Надеюсь, она понимает, что ваучеры нужно менять на акции не позже декабря. Иначе все, что у нее останется, это ваучеры.

– Вы же сами говорите, что это очень умная женщина, – мимоходом бросил Артур и протянул президенту бумаги на

подпись.

Оставался месяц. Дальше тянуть было нельзя.

«Или сейчас, Арт, или никогда. Или все – или мы погиб-ли».

И в тот же день текстильный комбинат, производящий в год продукции на девятьсот миллиардов неденоминированных рублей, был куплен на имя Маргариты Дмитриевны Чуевой, скромного менеджера экономического отдела. Треть вачеров, за неделю до приобретения распроданная в розницу, была продана, и вырученные деньги были направлены на рейдерскую поддержку сделки. На две трети были скуплены акции комбината. Это были времена, когда слово «рейдер» было неизвестно, оно еще не употреблялось на предприятиях чаще, чем слово «Магна» в табачных киосках. Рита была первой, кто ввел это слово в обиход, хотя на авторстве теперь настаивают многие.

Но удивительно: никто не знает, откуда на самом деле взялось это слово!

«Милый, я теперь знаю, как это называется, – говорила она в трубку, стоя у окна директорского, с еще не выветрившимися совковыми ароматами кабинета. Она смотрела на тысячную толпу рабочих, выведенных за штат по объявлению локаута, улыбалась и притрагивалась к кончику сигареты дрожащими губами. Десятки милиционеров сдерживали толпу, жаждущую встать к станку, над изошренными ма-тами и залитыми кровью глазами чайками летали бумажки,

удерживаемые руками судебных приставов, а в коридорах и кабинетах заводоуправления крепкие парни избивали арматурой тех, кто не желал покидать помещения или объявил по глупости демократическую голодовку. – Ты знаешь, что такое „рейдер“, Арт? Это – одинокий корабль, ведущий автономные боевые действия на коммуникациях противника. Мы на этом корабле, Арт. Мы против всех. И я люблю тебя».

Так явлению было дано название. Рейдерство. Безвольные языки после перекрутили понятия и трансформировали находку Риты в сленговый мусор. Отныне любая законная покупка так или иначе будет сопровождаться рейдерской атакой. Любое законное отстранение руководителя и помещение на его место другого будет достигаться только рейдерством. Ибо любой закон в начинающей вставать из блевотины страны делают суды. А в судах работают люди.

Поднимая вверх идеальной формы подбородок и глубоко затягиваясь сигаретой, она слушала звон стекол в своем кабинете и шлепала печатью комбината по стене. Двадцать, тридцать, сорок... За каждый из этих оттисков любой из коммивояжеров отдал бы многое, если не все. А печать сочно липла к краске, и с треском отлипала от не имеющей юридической силы поверхности. Этот документ не был нужен никому. Даже им. Широко размахнувшись, она швырнула печать в разбитое окно. Тем, кто так рьяно требовал ее возвращения.

Комбинат отныне принадлежал ей и Артуру.

– Милый, ты любишь меня?

– Я люблю.

– Так же сильно, как в нашу первую встречу?

– Так же сильно.

– Тогда приезжай прямо сейчас.

Окруженный десятком милиционеров и двумя десятками роготрясов в кожаных куртках, он поднялся на третий этаж комбината и запер за собой дверь.

– Иди ко мне...

Скинув пальто, костюм и отстегнув юбку, она запрыгнула на него, вдавив шпильки в его поясицу.

Артур задыхался от страсти, и в голове его трансформаторным гулом стояла заряженная кровь.

Ей было больно лечь на кусок стекла, вылетевший из рамы, и она дотянулась, чтобы смахнуть его со стола.

– Возьми меня так же, как и там...

Одежда... Зимой всегда трудно одеваться, но еще невыносимо труднее раздеваться. Руки его дрожали, он был уже не в силах владеть собой. С трудом сдерживая уже бьющуюся в конвульсиях плоть, он рванул на ней колготки вместе с трусиками. От этой нежданной животной страсти она закричала, и свет померк в ее глазах. Она царапала ногтями затертую локтями социалистических технократов столешницу, она кричала что-то непонятное им обоим, она требовала насилия, и Артур, чувствуя, что вот-вот сломается, старался отдалить блаженство финала как мог.

Идеально сложенные природой ноги Риты дрожали, невольно били его по спине, сдирая в кровь кожу, она была прекрасна в этом животном, немного отвратительном возбуждении.

Они были вместе. Как всегда – вместе. И они любили друг друга так же страстно, как в ту ночь в убогой комнатке в Марьине. За все девять лет жизни они разлучались всего лишь дважды, и оба раза в один год. Летом 1992-го Рита сутки провела на шикарном девичнике, устроенном по случаю выхода замуж дочери директора комбината, и, спустя три месяца, ей пришлось уехать хоронить обнинскую тетушку. И более не было дня, чтобы они не были вместе.

...Прорвавшаяся плотина освободила поток, который унес их обоих куда-то далеко. Дальше, чем они рассчитывали. Приходя в себя и отстраняясь, они все равно были безумнее и ближе на этой планете, чем кто-либо.

– И ты будешь любить меня всегда?

– Всегда...

Как жалко выглядят истины, когда высказываешь их вслух. Но это была истина.

– Ты не должен уходить из банка. С комбинатом я справлюсь без мужчины. Ты ведь никогда не любил возиться с тряпками?

Привычка переходить от слов к делу появилась как-то сама собой. Тогда, в Марьине, они заперли дверь их квартиры на ключ и, не спеша, разогревая кровь, направились к мет-

ро. «Я хочу заняться с тобой любовью», – звучало в голове Артура. Они спустились на «Братиславскую» и, не слушая работницу, крикнувшую, чтобы они поторапливались, в половине двенадцатого ночи вошли в пустой вагон.

Она вцепилась зубами в его губы, ухватилась руками за поручень и в этой новой для себя позе застонала от изнеможения. Поднимая и спуская ее скромные одежды, Артур прижался к ней, и две минуты, целых две минуты, они провели под землей, как на небе. Едва успев разъединиться и привести себя в порядок, они улыбками встретили женщину, вошедшую в вагон. Им было хорошо и легко, ничто не существовало вокруг, лишь он и она стояли в центре вселенной, а вокруг происходили незначительные события. Они еще кипели от вожделения тем непрекращающимся желанием непрерывного секса, так понятного в двадцать с небольшим, когда на пороге их квартиры встретились с сухоньким, похожим на выпускника политехнического вуза и одновременно на истощенного онанизмом нелюбимого женщинами мерзавца, мужчиной.

– Вы или отдадите мне одну из комнат, или я превращу вашу жизнь в ад, – сказал он, не вынимая рук из карманов.

Показывать средний палец руки в то время было еще не принято, более того, вряд ли кто понял бы в то время такой жест, и поэтому Рита, хищно прищурившись, расхохоталась.

Взбесившись от того, что «нет» ему сказала девчонка, а не мужик, незнакомец выдернул из кармана длинный нож с

тонким, отточенным до остроты бритвы лезвием, и прижал Артура к стене.

– Суки! – закричал брошенный на произвол судьбы наследник. – Твари хитрожопые!.. Вы думаете, я просто так отдам вам вот это?! – И, выхватив из кармана какую-то бумагу, он швырнул ее на бетонный пол.

Не сводя глаза с лезвия, из-под которого уже сочилась кровь, Рита подняла бумажку и увидела написанное на ней слово: «Завещание».

– Вы отдадите мне!.. Отдадите!

Ему можно было верить: рука наследника не дрожала, а весь вид его указывал на то, что все надежды его, все помыслы о будущем и само будущее этого человека зависели только от комнатухи или набора фамильного столового серебра, отписанного ему полюбившей Риту Клавдией Отговой... Что-то указанное в жалкой, измятой грязными руками и замоченной слезами бумажке – книги из библиотеки, расстроенное пианино или два квадратных метра в двухсотметровой квартире старухи могло превратить омерзительно-го, жалкого человека в нужную себе и его близким личность.

Артуру давно хотелось сглотнуть набежавшую слюну, но он не рисковал этого делать, чтобы не срезать кадык о нож. И поэтому слюни потекли из уголков его рта, когда он заговорил спокойно и равнодушно:

– Жизнь моя стоит копейку. Если тебе она нужна – забери. Но ты не получишь ничего.

Слюна капнула на лезвие, но не зашипела. В глазах несостоявшегося наследника стояли слезы.

– Дайте хоть что-нибудь... Мне нужно лечиться...

Артур забрал у него нож и вернул рукояткой вперед.

– Мне кажется, самым лучшим исходом для нас всех будет ваш уход.

– А как же...

– Это исключено.

Артур вошел в свою квартиру, слыша, как в нем подрагивает струнка только что состоявшегося секса с Ритой. И звуку этому, как ему казалось, ничто не может помешать.

– Я едва... я почти умерла от страха, – прошептала Рита и повисла у него на плече, ухватив зубами край воротника его рубашки. Потом, убрав с лица упавшую прядь, почти неслышно сказала: – До вступления в право на наследство осталось шесть месяцев... Я хочу, чтобы ты поклялся мне кое в чем...

Он усадил ее на стул и уткнулся лбом в ее лоб.

– Что я должен пообещать?

– В следующий раз ты отдашь то, что у тебя попросят при таких обстоятельствах.

– Ты же знаешь, что я никогда этого не сделаю. Зачем заставлять меня давать обещания, которые я непременно нарушу?

– Ты отдашь... Отдашь! Ты отдашь!! – безумным голосом закричала Рита, хлеща его по лицу и размазывая по своему

слезы – свои, и кровь – прихваченную с лица Артура. – Ты никогда больше так не сделаешь!..

Он схватил ее в охапку и понес в пахнущую тиной ванную. Он лил на нее воду до тех пор, пока не прекратилась истерика.

– Я дам тебе другое обещание. Клянусь, что буду любить тебя так же нежно, как сейчас, всю жизнь.

Как жалко выглядят истины, когда звучат вслух. Но это была истина.

Склонившись, он взял в руки ее мокрую, до бедра освобожденную от полы юбки ногу и прижался губами к стопе...

Об этой девушке босой
Я позабыть не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.
Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас...

Сейчас, вспоминая его шепот, она сквозь слезы смотрела на улицу, грязную улицу, усыпанную битыми бутылками, палками и трепещущими на ветру и под ударами транспарантами с пошлыми оскорблениями. Она стояла над всем этим и вспоминала Бернса, читаемого ей Артуром. Она снова подумала о том, как он любит ее и как она его любит. И она

заплакала, улыбнувшись.

Осколок кирпича пролетел над ее головой, выставив остаток стекла и осыпав ее голову стеклянной крошкой. Она этого даже не заметила. Она смеялась и плакала.

– Хотите, чтобы я вернула его вам?! – крикнула она в окно. – А вы меня заставьте!..

Это был их комбинат. И через два часа, оправившись от желанного потрясения и воспоминаний, Рита объявила, что начат прием на работу тех, кто так страстно хотел на нее вернуться. Локаут был объявлен утратившим актуальность.

Еще через три часа комбинат затих. Он зажил новой жизнью по новым правилам. И правила эти отныне диктовала новая хозяйка: де-юре единственная его владелица – Маргарита Чуева, но де-факто – только компаньон. Вторым фактическим владельцем являлся ее муж, Артур Чуев. Но пока об этом никто не должен знать. Страна сошла с ума. Жизнь страшна. Поэтому нужно хоть что-то держать от нее в тайне.

– Арт... – услышал он вечером того дня, когда уже собирался ехать домой. – Арт, ты там... в сауне... Ты там спал с кем-нибудь?

– Нет.

– Я тебе верю. Ты, как обычно, к десяти будешь?

– Да.

– Я люблю тебя, милый.

Глава 5

Господь ли – кто другой – дал им все. Они купались в восторге собственных побед, и каждая новая казалась привычней предыдущей. Господь дал им все – если это был Господь, конечно. Но когда господь или кто другой дарит чего-то очень много, то он непременно забирает часть малого. И часто оказывается так, что эта часть, ничтожная, еще даже невидимая, оказывается куда важнее имеющегося в излишке большего. Рите порой казалось, что деяния бога неразрывной нитью связаны с законами мирскими, в частности, возникновение в их доме достатка и отсутствие детей она относила за счет взаимодействия промысла божьего с законом Ломоносова. Если где-то прибывает, то в другой части должно обязательно убыть. В данном случае не убывало. Просто не было. Она не могла родить ребенка, и способы выяснения причин этого к 2005 году, то есть к двадцатому году совместной жизни, были испробованы все.

Последний из них был опробован в США, где в вашингтонской клинике доктора Айзмана провели в соседних палатах целую неделю. Начав неделю в имбецильных макинтошах, застегивающихся сзади тесемками, и общаясь друг с другом по сотовой связи, ибо доктор был приверженцем теории о раздельном изучении пар, они закончили ее в кабинете Айзмана.

Чиппэндейловский душок витал в его мире: кресла, в которых запросто разместилось бы три человека, невероятных размеров диван... Рита сразу подумала, что на нем, видимо, и исправляются проблемы бесплодия, а Артуру пришло в голову, что старичок к этому временипил уже столько, что можно было с известными надеждами относиться к этому беспробудному, хотя и тщательно замаскированному пьянству. На стенах кабинета висели гравюры, рассказывающие пациентам истории первых излечений бесплодия. Дородного вида бабенция возлежала на необычных форм кресле, лишь отчасти напоминающем гинекологическое, а угрюмого вида лекарь эпохи Возрождения что-то совал в ее лоно клещами. Офортов было девять – Артур специально подсчитал, чтобы понять некий мистический смысл этого числа, и убедился, рассмотрев каждый, что бабенция лежала на каждом, и на каждом же в нее что-то совали. За спинкой кресла доктора Айзмана, худенького, иссушенного атлантическим бризом гинеколога, то ли стоял на полу, то ли висел на стене портрет древнего старика. Судя по засученным рукавам белоснежной рубашки и свирепому виду, это тоже был гинеколог. Какой-нибудь пра-пра-пра. Взгляд его сквозил бешенством и страстью. Рите показалось, что последние штрихи его остренького безобразного лица писались сразу после того, как он клещами втащил на этот свет чью-то несчастную жизнь. Для гинеколога предок Айзмана был чересчур харизматичен. Чего стоили только сведенные на переносице белые

от ветхости брови и сжатые губы: казалось, еще секунда, и он взорвется неистовым воплем: «Сношаться с умом надо было!!!»

В общем, кабинет Рите не понравился. Артуру – и того меньше. С первых слов доктора он стал чувствовать себя малоимущей девственницей, которую привели в этот кабинет, чтобы забрать единственное у нее сокровище.

– Почти каждая третья супружеская пара встречается с бесплодием. Бесплодие встречается как у мужчин, так и у женщин, бывает первичным и вторичным. В настоящее время отмечается увеличение количества бесплодных пар.

– Пардон... Первичным?

– И вторичным, – подтвердил доктор, не предполагая, что добрую часть своей жизни муж пациентки изучал диалектический материализм и весьма в этом преуспел. – Это связано с увеличением количества инфекционных заболеваний половой сферы, повышением количества аборт, гормональных нарушений... Существует статистика, от нее не отмахнешься. 10 процентов всех браков бесплодны. Бесплодным считается брак, когда беременность не наступает после двух лет жизни супругов без применения контрацепции. У вас как раз тот случай.

– Кто из нас является причиной отсутствия детей? – безжалостно и совершенно спокойно спросила Рита.

– Для вас это принципиально?

– Принципы ни при чем. Если невозможность заберемене-

неть зависит от меня, лечиться буду я. Если причина в муже – я уеду в Россию вести наши дела, а он продолжит лечение.

Айзману не то чтобы не понравилось это заявление, скорее он посчитал его преждевременным, до тех пор пока не договорил.

– Я хочу быть понятым правильно, – помолчав, сказал он и подумал, что вот тот один случай из ста, когда женщина не визжит от ужаса, как поросенок, а мужик не запрокидывает голову и не стонет: «Майн готт!» – Причины женского бесплодия весьма разнообразны. Наиболее частой формой является трубное бесплодие, которое обусловлено чаще полным закрытием просвета в маточных трубах. Это препятствует встрече в них сперматозоида с яйцеклеткой и их слиянию. Трубное бесплодие может возникать в результате перенесенных воспалительных процессов в трубе, септической инфекции... туберкулеза половых органов, в общем, причин много.

Рита незаметно посмотрела на Артура, и тот понял, что доктор ее раздражает. Точнее сказать, надоел до безобразия. Мудро рассудив, что раздражаться, по сути, нет причины, тем более что за неделю обследования было заплачено более двадцати тысяч долларов, и за это время Айзман ни разу не выпустил их из-под назойливого наблюдения. Видимо, понял Артур, мою девочку раздражает выпивохинский вид старичка. И тут же отметил про себя, что сие ни разу не сказлось на ходе обследования.

– Посто́йте, – сдержанно попросила Рита, перебив в очередной раз Айзмана, – я не хочу присутствовать на уроке гинекологии в медицинском университете. Я приехала сюда не для того, чтобы прослушивать курс лекций. Скажите сразу – я могу иметь детей?

– Нет, миссис Чуева.

Артур почувствовал, как у него холодеют в локтях руки. Он понимал, что этот страх перед невозможностью увидеть свое потомство ничто по сравнению с генетической необходимостью видеть таковое женщиной. Природа распорядилась так, что центробежные силы, ответственные за продолжение рода, внутри женщины работают с большей силой, чем в мужчинах. Но он впервые в жизни испытал пустоту в душе. «Боже мой, – подумал он, – что сейчас творится в душе Риты. Я залюблю ее, мы уедем на острова, оставив дела, и я сделаю все, чтобы она отошла...»

Он боялся на нее смотреть. Сейчас в ней умирало что-то, и он не хотел быть тому свидетелем, а тем более священником.

– Док, вы ответили на наш вопрос. Но я хочу спросить еще раз, и пусть вас не смущает, что я настойчив по отношению к тому, о чем уже сказано, как о несуществующем... В природе есть способ изменить ситуацию?

– Подобную вашей?

– Черт возьми, – вскричала Рита, и Артур услышал в этом крике отчаяние человека, стоящего на краю пропасти и чуть

двинутом ветром в сторону бездны, – да неужели нас может интересовать проблема кого-то другого?..

– Миссис Чуева... мистер Чуев... – Айзман взял со стола какую-то ручку, нажал на нее, и в комнате погас свет. И тотчас на стене, единственной, что была свободна от офортов, Артур увидел светлое квадратное пятно. Доктор нажал еще, и на пятне отчетливо появились не рисованные, а фотографические, уже было ясно чьи, внутренние органы. – В трех из десяти случаев я успешно применяю тактику трансплантации гамет в фаллопиевы трубы... Этот метод лечения бесплодия схож с традиционным... Ну, когда яйцеклетку также оплодотворяют в лабораторных условиях. – Айзман погладил лоб, подыскивая терминологию, более доступную для людей, не имеющих медицинского образования. – Видите ли, как обстоит дело... Возьмем кусочек красного пластилина, смешаем его с синим и полученную субстанцию поместим в катетер. Это понятно?.. А потом сделаем лапароскопию!..

– Ух ты! – обрадовалась Рита, и Артур понял, что она на грани нервного срыва. – Лампарманскопийу? Я должна была сразу догадаться.

– Простите, я забыл... В общем, чтобы вам было понятно... Во время этой процедуры в небольшой надрез под пупком помещается маленькая камера, после чего захватывают фаллопиеву трубу и вводят туда катетер с оплодотворенными яйцеклетками. Метод основан на удалении препятствий

на пути яйцеклетки и сперматозоида, которые возникают по причине наличия различных нарушений в организме.

– Вы хотите сказать, что дело не в мертвой функции деторождения? – пробормотал, наклоняясь к столу, Артур. – Я вас правильно понял?

– Абсолютно.

– То есть... Я могу... иметь детей?

– Нет, – ответил ублюдок Айзман и положил ручку на стол.

– Бред! Это какой-то бред!.. У меня такое впечатление, что теперь это вы виноваты в том, что я не могу иметь детей! Из-за вашего упрямства! Быть может, мы мало предложили в качестве гонорара за лечение?!

– Вы заплатили ровно столько, сколько я прошу с каждого клиента. Дело не в деньгах.

Артур увидел перед собой какие-то блики. Так обычно показывают на экранах лица нагадивших и не желающих отвечать за содеянное ментов.

– Тогда в чем, черт вас возьми? – голосом готовой на все женщины прошептала Рита.

– Быть может, если бы вы были откровенны во время первичного осмотра, и мне удалось бы уладить проблему сразу, возможно, вы не обращали бы меня сейчас в сторону дьявола и не винили меня как первопричину своих несчастий.

– О чем он?

Рита посмотрела на Артура. Это была не Рита. Чужое ли-

цо, чужие глаза, чужие губы.

– Я хочу знать, что происходит...

– Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, – сказал Айзман, опуская глаза, и Артур почувствовал, что это не ответ ему, а обращение к его жене.

– Рита?..

Она вынесла в его сторону ладонь и подняла на Айзмана покрытые сетками красных прожилок глаза.

– Мне нужен только один ответ – да. Да, я могу иметь детей. Что я должна для этого сделать?

У Артура было такое ощущение, что его крутят на центрифуге и остановка не намечается. В его присутствии деловито шел разговор, истинный смысл которого при всей простоте фраз и законченности мыслей он не понимал.

– Я боюсь, что психологическая травма причинила вашему организму непоправимый вред, миссис Чуева. Я... правильно трактую проблему травмы?..

– Да, доктор.

Он покачал головой и, стараясь не смотреть на Артура, показал пальцем сначала на освещенную стену, на которой бесформенными пятнами красовались рентгеновские снимки органов малого таза:

– Ваша проблема не там, – и он показал тем же пальцем себе на переносицу, – а здесь.

Она с благодарностью посмотрела на Айзмана.

– Доктор, спасибо за добрый совет. И за... в общем, за все

спасибо, – английский Риты был безукоризнен. – Я избавлю вас от недостойной вас сцены.

– Я буду признателен за это...

Они молчали по дороге в «Хилтон», молчали вечер, ночь, и заговорили лишь тогда, когда шасси «Боинга» коснулись посадочной полосы Шереметьева.

– Хотел бы я знать, отчего я вдруг увидел перед собой стену, которая осыпалась, но идти вперед невозможно, потому что столбом стоит пыль.

Самолет делал последний полукруг перед терминалом, она молчала, и Артур, с беспричинной внимательностью разглядывая архитектуру здания, сказал еще раз:

– Наверное, многое я отдал бы за то, чтобы узнать не тайну, которую прячет от меня та, от которой у меня никогда не было секретов, а причину, которая заставляет ее превращать что-то в тайну. И я только сейчас понял, что готов отдать еще больше, чтобы этой тайны не знать.

– Арт, – она положила холодную, как лед, ладонь на его руку, – скажи... милый... родной мой Арт... скажи, чего бы ты не простил мне никогда в жизни?

«Боинг» в последний раз засвистел турбинами, отдавая салют экипажу, доведшему его до земли невредимым, и Рита сквозь шум услышала:

– Я признаюсь своей жене в любви уже двадцать лет. И вот какое удивительное открытие не дает мне покоя. Чем старше мы становимся, тем влюбленнее ее взгляд. Я готов поклясть-

ся, что если бы она посмотрела на меня так, как смотрит сейчас, в восемьдесят четвертом, я бы ей не поверил... Нет, не поверил... Не позвал бы за собой и не был счастлив эти годы. Мне не было бы необходимости думать об этом, если бы семь месяцев назад она не сказала, что моему первому признанию не поверила. Но все равно вышла, и что все эти двадцать лет счастлива... Удивительное это чувство – доверие. То есть – любовь.

Он не хотел смотреть на нее. Знал, что в глазах ее стоят слезы.

– Я люблю тебя... Наверное, еще более безумно, чем тогда. А это значит, что доверяю. А потому есть ли мне смысл рассуждать о непощении тебя, если сам смысл этого выглядит глупо и... и ненужно. Салон тронулся, нам пора на выход.

Вечером она зашла в кабинет, где он весь день напропащую и тайком тянул из горла «Джонни Уокер», и села перед ним в кресло.

– Нам не нужно убивать себя, Арт. Это было один раз. Всего один раз. Без любви. Вышло... по-идиотски глупо. Ты хочешь услышать, как это произошло?

– Нет.

– Это случилось на том девичнике. Он оказался в компании случайно, а после появились и другие парни. Я выпила много... – Рита подумала о том, что как раз этого говорить ей и не следовало. – Но я хорошо помню, что произошло...

Это было секундное увлечение, Арт...

– Ну, я так не думаю, – прохрипел он. – Я уверен, что не менее чем двухминутное...

– Арт... – она запнулась, – милый Арт... Я подвела нас...

– Довольно.

– А через три месяца поняла, что...

Он с трудом выбрался из кресла. Он тоже выпил предостаточно, и тоже не совсем владел собой. Заминка в кресле спасла его и ее. Когда он выпрямился, гнев схлынул, осталась лишь жалость к себе. Она выковыряла из себя чужую плоть, выжала ядовитую сперму, не дав ему шанса увидеть своего наследника... Разве это можно простить? Наверное, можно. Только пусть она прямо сейчас уйдет...

– Я легла в больницу, и меня вычистили. Вот теперь ты знаешь все.

– Это ты называешь... не убивать? – едва слышно проговорил он.

– Теперь ты знаешь все. Я приму любое твоё решение, Артур... Но я умоляю тебя, я тебя заклинаю: прости. Я никогда тебя не спрашивала о том, насколько приятным тебе показалось посещение «Андреевских бань»... Будь же и ты великодушен... любимый... Ты был там, и я знаю, что там происходило...

– Там могло происходить что угодно, и с кем угодно, но не со мной... – Он посмотрел на нее и улыбнулся. Губы его дрожали. – Не думал, что ты вспомнишь об этом именно в

эту минуту. Спустя двенадцать лет...

Ночь всегда приходит неожиданно. Рассвет, тот постепенно стирает с темных окон поволоку, он нетороплив, хотя и беспечен. Мудрая ночь всегда приходит внезапно, как просветление, окружая между тем темнотой. Проконтролировать рассвет можно – он наступает, когда березы перестают быть похожими на осины. Возвращается цветность, яркость, резкость, все начинает зримо вращаться по известной спирали жизненной силы. И только ночь неконтролируема, ибо решительно невозможно сообразить, когда же темнота в квадрате окна достигает своего апогея. Черное – оно всегда черное, и нет оттенков, и не разобрать мысли.

Когда за окном стали появляться первые светлые тени, он вошел в комнату квартиры в Марьино, вошел неслышно, но точно зная, что не разбудит.

– Что имел в виду доктор?

От «Джонни Уокера» остался только запах. Он не убил тяжесть, не снял ее с плеч и не расслабил.

– Он сказал, что я не смогу родить, пока не переборю себя, – голосом выплакавшейся за ночь женщины сказала Рита.

– Что это значит?

– Я одна знаю, что это значит.

– И он, да?

– Он – в первую очередь.

– А я – нет?

– А ты – нет.

Он устало опустился на кровать. За окном гадко чирикали воробьи и голубь топтался на подоконнике, собираясь с него сигануть вниз.

– Я никогда больше не заговорю об этом. Ты не поймешь, что творится сейчас, и не будешь знать, что будет происходить остаток жизни в душе моей ни по взгляду, ни по звуку моего голоса. Это было, но этого не было. Я не знаю, сумею ли убедить себя в последнем. Видимо, у меня та же проблема, что и у тебя. И решать ее нужно не там, – он указал себе на грудь, – а здесь, – и он указал на переносицу. – Звонили из «Алгоритма». Через два часа приезжают Перкинс с компаньонами.

И он ушел, горя желанием провалиться сквозь землю. Не от стыда. От горя.

Вечером того же дня он попросил ее взять дела «Алгоритма» на себя, чтобы он смог уехать на неделю в Шотландию.

– Нет, – сказал он, заметив, как дрогнули ее ресницы. – Это не то, что ты думаешь. – Если хочешь мстить, рой сразу две могилы. А я еще собираюсь пожить.

Она подняла на него взгляд и впервые обратила внимание на морщины Арта. Она видела их и раньше, но ей показалось, что они не были так глубоки. Она робко подняла руку и погладила его щеку.

– Любимым не мстят, Рита. А я тебя люблю еще больше, чем... чем тогда, когда старуха подслушивала под дверью каждое наше слово.

Его тянуло сюда с неудержимой силой. Однажды, побывав в Баллахулише и увидев на расстоянии побитого седеной старину Бен-Невиса, горбящегося над предгорьем чуть заснеженной вершиной, он дал себе обещание когда-нибудь сюда перебраться. Родятся и вырастут дети, потом разлетятся в разные стороны, и они с Ритой переедут сюда, и только сюда. Он каждое утро – да что там, утро! – он каждый день будет сидеть здесь, в тумане, и наблюдать за тем, как далеко внизу, под ногами, вода пожирает камни, и слушать, как ущелья вдыхают разносимый ветром аромат вереска.

Он сидел на валуне, пытаясь оттянуть комок в горле вниз или, черт возьми, вытолкнуть его вверх, и думал о том, что жизнь чертовски приятная штука. Арт уже давно приметил: если в ней что-то не получается сразу, то потоммотришь на эту неудачу со стороны, и она всякий раз кажется удачей. Неисполненное желание – уже не мое, а исполнившееся, чужое – в будущем приобретает формы, от которых со временем он с радостью отрекся бы, исполнись оно для него. Со временем предмет любого обожания, одушевленный или нет, как молодая, дышащая свежестью и наполненная влюбленностью девушка – еще не инженер, не переводчик и не бизнес-леди, еще ничья, – обрастает морщинами, грузнеет, блекнет, теряет аромат и приобретает некоторые признаки чужой принадлежности, очевидной поношенности, пропитывается неприятными запахами. И в этом ужасном виде предстает перед всеми, продолжая при этом оставаться па-

мятником чьему-то, но не его, тщеславию. Разве это плохо? – плохо, что памятник этот установлен не в его имя? А ведь это он не спал ночами, мечтал, скрипя зубами, об исполнении этого желания. Тужился от усердия, вырисовывая формы владения исключительными правами на него...

И вдруг все обратилось в прах. Оно исполнилось – но не для него. Какой удар. Прошло десять лет. Какое счастье. А вот он, кажется, хотел иметь это более чем он... Так и вышло. И вот сейчас, глядя на этот обгаженный сверху донизу памятник тому, о чем он мечтал ночами и грезил наяву, Арт все крепче убеждался в уверенности, что жизнь даже более чем просто чертовски приятная штука.

Она прекрасна. Ведь Рита с ним. И он в нее влюблен.
Да, влюблен...

Глава 6

К лету 2006 года штат компании «Алгоритм» разросся до трех тысяч человек, и с этим нужно было что-то делать. Арт знал что: расширять его до четырех. Иначе производство просто бы захлебнулось. «Алгоритм» вот уже десять лет как перестал быть фондом. Свою задачу он выполнил, всосав в себя миллионы в годы первых лет ельцинского беспредела. В 1993 году, когда стать миллиардером было так же легко, как и покойником, Арт и Рита выжили. Шесть месяцев спустя после приобретения текстильного комбината, их держал под неусыпной опекой Аркаша Яковенко. К «Алгоритму» была заказана дорога всем, кто имел право херить любые фонды и конторы. Само собой разумеется, что не альтруистические сердечные порывы рождали желание Яковенко быть полезным разрастающемуся текстильному предприятию. Не ударяя пальцем о палец и лишь изредка поднимая трубку, чтобы позвонить то в МВД, то на Большую Дмитровку, Аркаша получал по меньшей мере восемьдесят тысяч долларов ежемесячно. В конце концов случилось то, что в годы, когда покойником было стать легче, чем олигархом (тогда это слово только вошло в моду), случалось повсеместно. Справедливо рассудив, что непосредственное участие в управлении комбинатом может принести ему куда большую прибыль, Аркаша дерзнул. Причин тому было несколько, и главной была та,

что новый премьер с заплетающимся языком, Черномырдин стал делать попытки реформировать старые экономические связи.

Было понятно, что это всего лишь кратковременная эрекция перед глубоким засыпанием, но никто не мог знать наперед, сколько эта эректильная функция продержится. Аркаша занервничал и стал искать пути отхода. Ледоколом, как свой босс Чубайс, он не был, впрочем, тогда еще никто не знал, что Чубайс вообще непотопляем, и близкие к нему соавторы приватизации пришли в движение. Арту было предложено принять его в учредители «Алгоритма», что уводило от Артура и Риты порядка трети доходов.

– Послушай, Арт, милый, – тревожилась Рита, – нам нужно что-то делать. Эта свинья сожрет нас.

Это было очевидно. Артур знал, как спасти ситуацию. Но понравится ли это Рите?

Надо будет как-то объяснять. Айзмана еще не было. Уже был «девичник» и поездка к мертвой тетушке, но фамилия Айзман для Арта еще не была синонимом неожиданных открытий.

– Мы можем его накрыть.

– Каким образом? – оторвался от раздумий он.

– Ты помнишь, что было 24 июля 1993 года! Меняли по тридцать тысяч рублей на человека, и ты помнишь, сколько мы заработали тогда!

Арт помнил. Еще бы... Такое не забывается. Сразу после

указа Ельцина народ двинул в сберкассы и банки, и он, менеджер «Инкомроса», в условиях кратковременного кадрового голода был задвинут за стол кассира. Денег у будущего электората было куда больше, чем тридцать тысяч, и где-то в середине дня Арт понял, что он единственный, кто в банке не зарабатывает. Первым его партнером оказался абхазец с «дипломатом», битком набитым упаковками десяти-тысячных купюр. За сто миллионов он просил всего один. Сделка состоялась через четверть часа после того, как абхазец встретил Арта в коридоре банка. Лещенко похлопал его по плечу, похвалив, что хотя и поздно, но Артур Чуев сообразил, как поступить правильно. Девяносто девять миллионов были тщательно отмыты и поделены, в результате чего Рита едва сохранила чувство юмора, когда ее муж принес домой чековую книжку, позволяющую свободно распоряжаться двадцатью миллионами новых русских денег. Это был результат восьми кратковременных контактов менеджера банка Артура Чуева с гражданами, желающими спасти не все имеющиеся у них деньги, а хотя бы часть их. Это бескорыстие в привлечении президента Лещенко к разделу ясака и было положено в основу будущего назначения Арта на должность начальника отдела внешнеэкономических связей. Лещенко не забывал своих людей. А пять из двенадцати менеджеров, которые людей с чемоданами привечали, а в кабинет босса заходить забывали, были с чистой душой и открытым сердцем сданы в прокуратуру, ибо уже имелось постановле-

ние о борьбе с коррупцией во время обмена денег. Лещенко проявил себя во всей красе, сдав самое большое количество коррупционеров (тогда слово «коррупция» еще не достало всех с той же силой, что и слово «менструация»).

Через два дня условия обмена ельцинская команда изменила, разрешив обменивать по сто тысяч. Но Лещенко вдруг запретил носить ему чемоданы. Приятно иметь своих людей в других инстанциях: наученная горьким опытом (да не таким уж, собственно, и горьким, ибо приятно иметь своих людей в других инстанциях...) прокуратура уже имела в банках и сберкассах своих соглядатаев.

Заодно почистили и штат банкиров с работниками сберегательных касс. Чтоб два раза не ездить.

Вот тогда-то и завязалась тесная дружба между Лещенко и набиравшим силу в руководящих кругах Яковенко. Командный технократ Аркаша еще возбудил в себе страсти к беллетристике, но к ценным бумагам уже пристрастился порядком. Результатом этой дружбы явилась покупка средней величины виллы в Австрии на имя Аркашиной жены, и лучшего вложения старых рублевых бумажек придумать было сложно. По стечению обстоятельств, во время отпускного гуляния Лещенко по долине Гиза, где он вместе с семьей предавался философским изысканиям вблизи пирамид, вице-президент стал приводить в порядок завалывшиеся бумаги. Воодушевленный вхождением в состав правительства и Совет министров глава Банка Герашенко занялся естествен-

ной в таких случаях вздрючкой всех находящихся рядом с ним, и в банках начались повальные ревизии. Вместе с кипой документов в руках Арта оказались и уложенные рукой Лещенко в дальний угол странные бумаженции. Их содержание довольно-таки отчетливо рисовало весь ход обмена Аркашей плохих деревянных на хорошие, а потом хороших деревянных на доллары. В сумме, явно превышающей допустимые ельцинским указом нормативы.

Сначала Арт хотел вернуть документы Аркаше лично, потом передумал и на всякий случай решил присвоить. Так, на всякий случай. Но после недолгих раздумий и разговоров с Ритой было решено выбрать промежуточный вариант. Документы были отксерокопированы, а подлинники вместе с кипой других бумаг возвращены «вицеру». Так они снова оказались в распоряжении вернувшегося загорелого и окрепшего, но ничего не подозревающего Лещенко.

И теперь эти документы представляли собой бомбу замедленного действия, закрепленную под креслом Аркаши в Белом доме. О них и говорила Рита, напоминая Арту события середины лета 1993-го.

– Это единственный способ приструнить этого зажавшегося мерзавца, Арт.

– Это один из множества способов снести две головы! – рассмеялся он.

– Две?

– Да! Твою и мою!

Обняв Риту и усадив себе на колени, он прижался к ее груди щекой. Сердце билось ровно и чуть учащенно, немного не попадая в ритм с его, и он думал о том, что будущее, не далекое, как находящееся за седоглавым Бен-Невисом пропитанное неизвестностью Лох-Несс, а близкое, рядом. Оно совсем близко, к нему можно прикоснуться. И, прикоснувшись, увидеть, как в месте соединения ладони с оболочкой его образуется легкое, почти эфирное колебание. Но оболочка примет отпечаток только с одной руки, прикосновение другой будет означать ошибку. Сработает система охраны от незаконного доступа к будущему, и оно отодвинется на расстояние, превышающее сегодняшнее в разы. И никто не знает, на какой руке Арта запечатлен правильный капиллярный код.

Он приложил руку к груди Риты и почувствовал, как в него проникает тепло.

– Мы сделаем по-другому, родная... Милая моя, единственная... Я сделаю иначе.

– Иначе – это значит, что мы не воспользуемся документами Лещенко?

Он посмотрел в окно, и зрачки его, встретив свет, сузились до острия булавок.

– Ты должна понять простую истину. Те, кому ты собираешься передать документы, компрометирующие Яковенко, приумножили свои богатства тем же способом, что и он. С помощью тех же людей, что и он. По той же схеме. Рефор-

мы делаются для кого-то, Рита... – Он убрал ее с колен и направился к стеллажу с книгами. – Единственная гарантия того, что приумноженное ими находится в безопасности, это обливание всех свидетелей точно таким же слоем грязи. Появление того, кто захотел бы открыть для всех истину, будет воспринято ими как угроза их правильному существованию. Нас сотрут. Не в порошок, нет. Нас сотрут, как два ненужных и мешающих на рабочем столе файла.

– Что же делать?

– Я попробую что-нибудь придумать...

На самом деле все было давно придумано.

Когда Рита заснула, Арт позвонил по телефону и сказал:

– Ты хотел продать свое заведение и пожить год-другой в Германии. Этот час наступил.

– Вообще-то я планировал перебраться в Берлин следующей осенью.

– Если ты не сделаешь это в течение сорока восьми часов, следующую осень ты встретишь в «Лефортово» или на «Красной Пресне».

– Все так серьезно? В принципе, покупатель уже есть...

– Тогда сделай ему небольшую скидку и исчезни. Будет лучше, если ты уже утром получишь деньги и покинешь Москву.

Через пятьдесят шесть часов после состоявшегося разговора руководитель одного из отделов аппарата правительства Аркадий Яковенко был в срочном порядке вызван в...

Когда он стоял у поста охраны, где его тщательно досматривали двое крепких пацанов в штатском, Аркаша чувствовал, как по спине его, по бокам и груди струятся капли холодного, еще не липкого, но уже начинающего сгущаться пота.

– Мы сядем, посмотрим кое-что, – сказал Кое-Кто, охранявший Кое-Кого, и Аркаша понял, что смотреть они в компании с его боссами и хозяином кабинета будут не комедию.

Боссы имели озабоченный вид, иногда на их лицах появлялись симптомы гнева, и когда кино началось, Аркаше срочно понадобился валидол.

– А когда ты шлюхам свою пустышку сосать давал, тебе валидол не нужен был? – спросил Кое-Кто и сделал звук громче. – И дайте ему кто-нибудь за щеку.

"...А что Хозяин... – говорил с метрового экрана Аркаша, рукой помогая проститутке совершать фрикции головой. – Хозяину недолго осталось... Скоро все изменится, вот увидите... Чаше, чаще, детка... Он зарвался... Дочуру советником по имиджу пристроил... Это ж надо – сам подписывает указы о недопустимости служения в госаппарате родственников, а сам... Вот так, вот так... Писатель опять же... У нас примета – как кто мемуары рисанет, так сразу – у-ля-ля... «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину...» Первоисточник: «Записки сума...» Простите, «Записки Президента», страницу не помню... Осетрину он есть не может... Но вот за виллу «Шато де ла Гарон» во Франции отдать одиннадцать лимонов баксов очень даже может.

И конюшенку в «Горках-9» класса люкс на сорок коней за один лимон построить тоже может себе позволить... Вы видели эту конюшню?.. Это для кентавров, а не для лошадей! А осетрина в рот не лезет! Епт!.. Ты чего кусаешь?!»

Аркаша чувствовал себя плохо, так плохо, что когда на экране появился пришедший из парилки Лещенко, и камера взяла крупным планом банкира, легче ему не стало.

«Куда это (рябь в изображении, свист вместо прекрасного звука)...запропастился?»

«Не волнуйся, он на людях стыдится. Его сейчас белокурая прокачивает».

Лещенко и тот Аркаша смеются, а этот Аркаша чувствует такую знакомую и неприятную нехватку воздуха...

"...Баранникова от должности освободил? Освободил... Дунаева-мента освободил? Освободил... За что? За то, что ихние жинки прокатились по загранице за счет доброго еврея Бирштейна! Но вот в Стокгольме хозяйская жена и хозяйская дочка зашли в магазин «Моде Пэлс», где прикупили две норковые и одну каракулевую шубки, а также три норковых шапочки из новейших коллекций «Сага Селек-тед» и «Сага Рояль». Ненамного, правда, всего на двадцать тысчонок зеленых. А расплатились платиновыми «Мастеркард»...»

«Для получения такой кредитки нужно внести залог минимум в десять тысяч долларов», – подтвердил Лещенко, промокая промежность простыней.

«Вот вам, товарищи, и осетрина. В рот не лезет... Такие вот парадоксы нынешнего бытия, пацаны...»

Кое-Кто отключил видеомэгнотофон, и на экране появилось голубое, как обморочная пелена, поле.

– Отвезите его в больницу, что ли. И пусть полечат до следствия. Где Скуратов? Сам получил порнуху, сам пусть и расхлебывает! И пусть вся страна посмотрит как мы парадоксы дезактивируем!.. Чин-чин, в бога душу мать твою, за-сранец!..

За два часа до этого просмотра Арт позвонил Лещенко.

– Вам лучше срочно покинуть страну.

– Что... случилось?

– До меня дошли плохие новости. Сделайте это прямо сейчас.

Потом Яковенко исчез с политического олимпа, а Лещенко даст о себе знать только в следующем тысячелетии. Премудрый банкир надеялся на большие перемены после ухода Ельцина и рассчитывал вернуться. Но не случилось. Перемены оказались незначительными. А запись, уже подчищенную спецнами лишь до слабой визуальной узнаваемости главных актеров, вся страна действительно увидела.

А вместе с нею и Рита, приехавшая домой как раз к новостному выпуску и включившая телевизор, чтобы не так лень было раздеваться.

Арт вернулся домой за полночь. Он ждал вопросов, но не готовил ответы. Все для него было как в лотерее: ни к

чему заранее нельзя быть готовым. Ни к срыву джекпота, ни к фиаско. Он просто ждал вопросов, но не дождался их. Просмотревшая передачу Рита не сказала ни слова и наутро выглядела как обычно подвижной и артистично вдохновленной. Можно было предположить, что она вообще ничего не видела, но сегодня была единственная за долгие годы ночь, когда на попытку обнять ее она тихо прошептала:

– Арт, я безумно устала.

Он хотел услышать: «Я узнала Андреевскую сауну. Я видела, чем занимались те, с кем ты был. Ты можешь меня убедить в том, что не занимался тем же?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.